

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№28

январь 2014

Информационно-аналитический журнал

современный
Иран

№ 28
январь 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	Борьба за лидерство на Ближнем Востоке входит в решающую фазу <i>Владимир Ефимов</i>38
Почему Саудовская Аравия не хочет стабильности и безопасности в Персидском заливе? <i>Владимир Алексеев</i>6	Новые центры сил на Ближнем Востоке <i>Владимир Алексеев</i>44
«Шиитская дуга» — новая реальность Ближнего Востока? <i>Владимир Алексеев</i>10	ООН отозвала приглашение Ирану: неизбежность или ошибка? <i>Артем Кречетников</i>48
Челночная дипломатия Керри: Странности юбилейной поездки <i>Икрам Сабиров</i>14	Грязные интриги «Женева-2» <i>Игорь Панкратенко</i>51
Иран против санкций: Внутренняя мобилизация и «черные рыцари» торговли <i>Игорь Николаев</i>18	Кто унаследует власть в Саудовской Аравии? <i>Владимир Алексеев</i>56
Персидский залив превращается во «внутреннее шиитское море» <i>Владимир Алексеев</i>23	Что такое Ваххабизм, кто такие ваххабиты? <i>Владимир Ефимов</i>64
Роль Европы в разрешении иранской проблемы <i>Владимир Евсеев</i>28	«Ось зла» <i>Хомский Ноам</i>70
Армения — Иран: Курс на стратегическое партнерство <i>Вячеслав Михайлов</i>31	Бизнес-ажиотаж вокруг Ирана <i>Игорь Николаев</i>73

Краткое содержание номера

Вышел в свет очередной, двадцать восьмой номер ежемесячного журнала «Современный Иран». Иранскую и ближневосточную «повестку дня» января 2014 года определяли два основных процесса — борьба за участие Ирана в конференции по сирийскому урегулированию с одной стороны, и укрепление антииранского альянса монархий Персидского Залива — с другой. Именно два этих процесса, во всей их сложности и многогранности стали основными темами для очередного, 28-го номера нашего журнала.

Суннито-шиитская война в Ираке стала реальностью. В Сирии исламисты физически устраняют конкурентов, стремясь полностью подчинить себе анти-асадовскую оппозицию. Ливан стоит на пороге новой гражданской войны, в которую, по недоброй традиции, вмешаются извне. Филиалы аль-Каеды вольготно чувствуют себя на просторах Леванта и Магриба. Но госсекретарь Керри, словно игнорируя эти острые проблемы, каждая из которых может обернуться большой кровью для всего региона, в юбилейный, десятый раз посещает Израиль с посреднической миссией по урегулированию израильско-палестинского конфликта. Политическая близорукость? Неумение американской администрации определить внешнеполитические приоритеты в регионе? Или же, в преддверии выборов в Конгресс, демократы стремятся набрать максимально возможное количество очков, добившись прорыва в решении одного из самых запутанных конфликтов нашего времени? Попытка ответа на эти вопросы — в статье *«Челночная дипломатия Керри: странности юбилейной поездки»*. «Итоги челночной дипломатии Керри по большому счету должны стать холодным душем для тех, кто в Иране надеется на искренность американской стороны в диалоге Вашингтон — Тегеран. Расчеты на то, что ситуация в Ираке станет «началом регионального сотрудничества США и Ирана» по образцу 2001 года в Афганистане, не имеют под собою оснований. И Багдад, и Бейрут станут полем операций именно антииранской коалиции, а не площадкой реализации конструктивного ирано-американского сотрудничества», — отмечается в материале.

Нынешнее противостояние суннитов и шиитов во многом было спровоцировано реализацией американской концепции создания «Большого Ближнего Востока» или, иными словами, демократизацией региона Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА) путем замены в арабском мире одряхлевших и коррумпированных режимов светского или полусветского плана на демократию западного типа. Ведущая роль при проведении «революций» в арабском мире отводилась Саудовской Аравии, как самой богатой стране региона, где у власти вообще находятся ваххабиты и салафиты, которых даже к суннитам можно отнести весьма условно. Правда, при этом в Вашингтоне не просчитали до конца — а что делать с консервативными арабскими монархиями Персидского залива, где вообще и не пахло демократией. Не было ясности и в том, как произвести перемены и при этом не сломать и без того хрупкий баланс между двумя основными течениями ислама — суннизмом и шиизмом. Результатом этого стало появление нового политического фактора, от которого во многом зависит теперь ситуация в регионе. Подробнее об этом — в статье *«Шиитская дуга — новая реальность Ближнего Востока»*. По мнению автора,

«шиитская дуга» — это новый тренд, новая реальность на Ближнем Востоке. И в этой ситуации для России очень важно быстро и правильно оценить этот новый фактор в регионе и должным образом отреагировать на него». Вполне логично предположить, что особые партнерские отношения с «тройкой» шиитской дуги обеспечат интересы России на Ближнем Востоке и в Персидском заливе намного эффективнее, чем поиск новых форм взаимодействия с государствами типа Египта, которым сейчас нужны от Москвы лишь дешевые кредиты и иная помощь. Ставить на них большого смысла нет, так как, по своей сути, они как были, так и останутся прозападными, либо же к власти в них придут «Братья-мусульмане» или другие исламистские группировки.

Обратной стороной баланса сил в регионе является Саудовская Аравия, притягивающая к которой вполне объяснимо, поскольку именно Эр-Рияд выступает сегодня «мотором» и донором антииранской коалиции. В связи с тем, что в ходе арабской «весны», начавшейся три года тому назад, Саудовская Аравия вышла на арену Ближнего Востока в качестве одного из ключевых игроков, интерес к этой стране существенно возрос, тем более что она никогда не отличалась открытостью. И, естественно, наибольший интерес вызвала тема правящей элиты королевства, которая, несмотря на весьма преклонный возраст представителей верхушки, приняла решение ввязаться практически во все арабские «революции», хотя Саудовская Аравия является одной из самых консервативных стран арабского мира, где господствующей идеологией является ваххабизм — наиболее радикальное течение ислама «образца 17-го века», а демократические институты практически полностью отсутствуют. *«Кто унаследует власть в Саудовской Аравии?»* — вопрос далеко не праздный, слишком многое в дальнейшем раскладе политических сил в регионе от него будет зависеть, а потому в одноименной статье дается анализ всех возможных вероятностей престолонаследия.

Тем более, что начавшиеся три года назад «арабские революции» похоронили традиционные центры сил на Ближнем Востоке, прежде всего Египет. При этом произошло усиление роли Саудовской Аравии. Но в конечном счете от всех процессов в регионе больше других выиграл Иран. И начался процесс формирования шиитской дуги, которого опасаются США, Израиль и консервативные монархии Аравии. Об этом — в статье *«Новые центры силы на Ближнем Востоке»*.

Для противостояния формирующейся «шиитской дуге», а точнее — новому этапу борьбы народов региона против гегемонизма США и их партнеров в лице Израиля и Саудовской Аравии, по мнению западных стратегов должен ваххабизм-салафизм — наиболее консервативное и экстремистское сектантское направление в исламе. Оно никак не может считаться суннизмом, более того, многие исламские богословы относят ваххабизм к ереси. Об особенностях и специфике этого учения — в статье *«Что такое Ваххабизм, кто такие ваххабиты?»*. На сегодня лишь 1% мусульман причисляют себя к ваххабитам, тем самым поставив себя в оппозицию к традиционному исламу, хотя под их влияние попали до 10% суннитов. Официально ваххабизм признан лишь в Саудовской Аравии и Катаре, а также был идеологией афганских Талибов до их падения. Многие причисляют себя к ваххабитам, не понимая смысла этой идеологии, а просто исходя из своей принадлежности к радикальному крылу ислама, готовности проливать кровь «неверных» и мусульман ради достижения политических целей. То есть ваххабизм зачастую срывается с терроризмом.

Формирование «шиитской дуги», ваххабизм и противостояние новых центров силы на Ближнем Востоке означает, что *«Борьба за лидерство на Ближнем Востоке входит в решающую фазу»*. В статье с одноименным названием отмечается, что сегодня в регионе происходят события исторического масштаба. Причем все более очевидно, что США и их союзники вряд ли выйдут победителями из этого. Например, независимо от того, какое правительство в конечном счете придет к власти в Египте, его стратегический союз с Западом будет размываться. И как бы ни напрягалась Саудовская Аравия и ее аравийские вассалы против Сирии и Ирака, они все равно проиграют, а в конечном счете их сметут собственные революции. А в складывающихся условиях центр силы на Ближнем и Среднем Востоке все больше перемещается в сторону Тегерана. Но впереди еще предстоит решающая схватка между Ираном и Саудовской Аравией.

Интрига вокруг участия Ирана в конференции по Сирии стала тем «пробным камнем», которой дает четкое понимание истинных причин и мотивов антииранской коалиции. Сценарий конференции «Женева-2», а точнее — сценарий срыва этой конференции, писался в Вашингтоне. Именно поэтому «Идея Монтрё», идея мирного процесса и национального диалога в Сирии при международном посредничестве — умерла, не успев и родиться. Грязная интрига, в которую был вовлечен генеральный секретарь ООН, в которой применяются столь мелкие пакости, как задержка самолета с сирийской делегацией в Афинах — все это дает основания утверждать, что антисирийской коалиции диалог не нужен. Нужна война. И, главное, для основных игроков той коалиции — США, Франции и Саудовской Аравии — совершенно необходимо исключение России и Ирана из числа ко-спонсоров мирного процесса в регионе. Подробности — в статье *«Грязные интриги Женевы-2»*. Главный же вывод, который можно сделать из этих интриг, заключается в том, что азногласия между Москвой и Вашингтоном по вопросу конфликта в Сирии имели чрезвычайно серьезные и совершенно неожиданные последствия, хотя западные средства массовой информации и западная же политическая элита не хотели этого замечать. Владимиру Путину удалось стать самым успешным политиком в мире, рейтинги президента Барака Обамы снизились, точно так же, как и степень доверия к Америке на Ближнем Востоке. Еще не оформившаяся окончательно ось «Москва — Тегеран — Пекин» уже записана Западом и их стратегическими партнерами на Ближнем Востоке в противники, бороться с которыми можно любыми средствами — от интриг до провокаций и ужесточения санкций.

Впрочем, санкции и их влияние на Иран — отдельная тема. Возможно ли выстоять в противостоянии с США и западным блоком экономике страны, на горло которой накинута удавка международных и односторонних санкций? Опыт Ирана показывает — вполне возможно. Урок иранского противостояния американским санкциям говорит о том, что при наличии политической воли и созидательной энергии руководства, при наличии веры у народа в собственные силы и патриотизма не страшен никакой экономический диктат. В преддверии нового этапа охлаждения американо-российских отношений нам неплохо было бы усвоить и этот урок. Об этом — в статье *«Иран против санкций: Внутренняя мобилизация и „черные рыцари“ торговли»*. Описание схем, с помощью которых «черные рыцари» обходят режим санкций, рассказ о том грандиозном труде по формированию «экономики джихада», которым Иран занят ежедневно, вполне заслуживает отдельной книги. Но речь сейчас не об

этом. Урок иранского противостояния американским санкциям и опыт деятельности торгового ордена «черных рыцарей» говорит, что при наличии политической воли и созидательной энергии, при наличии веры в собственные силы и патриотизма не страшен никакой экономической диктат.

Тем более, что экономические возможности для диктата у Вашингтона сокращаются. Европа крайне заинтересована в урегулировании отношений с Ираном, а потому — не остаётся в стороне от американо-иранского конфликта. Европейские государства практически сразу оказались втянутыми в решение иранской ядерной проблемы. Поначалу «большой тройке» Европейского союза (ЕС), включающей Великобританию, Францию и Германию, удалось добиться существенного прогресса. Они убедили Тегеран в необходимости полноценного сотрудничества с МАГАТЭ, подписании Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий и выполнении его требований до завершения процесса ратификации, а также приостановки всех работ по обогащению урана, регенерации облученного (отработанного) ядерного топлива и выделению плутония. 9 января сего года Иран и представители «Шестерки», группы международных переговорщиков, достигли соглашения по реализации первого этапа плана совместных действий, к которым стороны пришли 24 ноября в Женеве. Фактически, без этих договоренностей невозможно приступить к выполнению «Совместного плана действий» Ирана и «Шестерки» посредников, который начнет выполняться уже с 20 января. И в этих непростых условиях, чрезвычайно повышается роль европейских государств, особенно вовлеченных в переговорный процесс. Они обязаны проявить инициативу и не только потребовать реализации первоочередных шагов по разрешению иранской ядерной проблемы, но и настоять на необходимости дальнейшего смягчения и снятия финансово-экономических санкций (коллективных и односторонних) с целью существенного повышения уровня региональной безопасности и восстановления прерванных отношений с Тегераном, практически во всех сферах. Об особенностях европейской позиции — в статье *«Роль Европы в разрешении иранской проблемы»*.

У живущих тысячелетиями рядом друг с другом родственных народов единые арийские корни, схожие исторические судьбы. В прошлом и настоящем армян и иранцев отчетливо представлена борьба за свою самобытность. Современные ирановеды отмечают, что армяне занимают заметное место в иранской национальной идее. Узы государств также имели тесный характер. При всем этом, история взаимоотношений Армении и Ирана (Персии) знала периоды антагонизма. С особенной силой в первые века нашей эры это проявилось в различии выбранных вероисповеданий. Но данный антагонизм никогда не приобретал необратимые формы, как это имело место, например, в армяно-турецких отношениях. Напротив, персы и их исторические преемники иранцы всегда стремились к добрососедству с армянами. Особенно на одном из наиболее сложных этапов армянской истории, когда древнейший народ Передней Азии подвергся геноциду на территории Османской Турции. Об особенностях ирано-армянских отношений на современном этапе — в статье *«Армения — Иран: Курс на стратегическое партнерство»*.

Понятно, что в этом обзоре даны примеры лишь некоторых материалов январского номера. Выражаем уверенность, что и другие статьи вызовут значительный интерес, а потому — просто предлагаем ознакомиться с 28-м выпуском журнала «Современный Иран».

Владимир Алексеев

Почему Саудовская Аравия не хочет стабильности и безопасности в Персидском заливе?

Предложение Саудовской Аравии трансформировать ССАГПЗ из экономического союза в узкий военный блок, сделанное на саммите Совета в Кувейте 11 декабря 2013 года, не стало чем-то новым для внешней политики ваххабитского королевства. За два года до этого, на таком же саммите ССАГПЗ в Эр-Рияде король Абдалла выступил с идеей превращения Совета, куда входят шесть монархий Аравии, в военно-политический блок, причем с включением в него еще двух арабских стран с монархическим строем — Иордании и Марокко. Но если в 2011 году целью КСА было объединение консервативных стран арабского мира в союз, который бы предотвратил распространение на них «арабской весны» и «цветных революций», то сейчас Эр-Рияд своей инициативой преследует совсем иную задачу — объединить военный потенциал всех участников ССАГПЗ против Ирана.

И это происходит в условиях, когда США и Запад в целом пересматривают отношение как к Тегерану, так и к своей ближневосточной политике в целом. Ведь курс Вашингтона на «демократизацию» арабского мира в рамках реализации американской концепции региона Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА) за 10 лет дал противоположный результат — вместо создания в арабских странах демократического строя на волне массовых выступлений и гражданских войн к власти в них пришли радикальные исламисты, ориентированные на установление норм шариата и проведение политики, ущемляющей права человека и дискриминирующей положение национальных и религиозных меньшинств, будь это христиане или мусульмане-шииты. И лишь в ходе войны в Сирии Запад наконец-то понял, что вместо «либералов» и «демократов» он получит головорезов-людоедов и террористов, которые затем хлынут защищать своих «братьев» по вере в Европе, где мусульманские общины быстро растут в своей численности.

Закат Саудовской Аравии

Испугавшись того, что нормализация ирано-американских отношений и укрепление власти правительства шиитского большинства в Ираке приведут к утрате статуса главного стратегического союзника США в регионе Персидского залива, саудовское руководство начало лихорадочно думать о том, как защитить давно изживший себя ваххабитский строй от ветра демократических перемен в условиях, когда уже нет уверенности в том, что при любом развитии ситуации

можно будет опереться на американские штыки. После того, как на примере Сирии Вашингтон и европейские столицы убедились в том, какие силы могут установить тотальный контроль над регионом и сколько крови для этого придется еще пролить, чистоплюи из США и ЕС стали «отползать» от экстремистов, террористов и просто бандитов всех мастей и национальностей, которые так щедро финансируются Саудовской Аравией, Катаром и некоторыми другими странами ССАГПЗ. Эти террористы и бандиты всех мастей на протяжении трех последних лет делают все для свержения республиканского светского режима Башара Асада в Сирии, до этого успев превратить Египет в зону перманентного гражданского конфликта между «Братьями-мусульманами» и союзом антиисламистских сил, опирающимся на военную хунту, разрушив Ливию как единое государство, которое развалилось на анклав влияния по племенному признаку, и поставив Йемен на грань распада на Север и Юг с мощным усилением там присутствия Аль-Каиды.

Понятно, что в нынешней ситуации правители Саудовской Аравии думают прежде всего о собственном выживании, а не обеспокоены проблемой стабильности и безопасности в регионе Персидского залива. Иначе они пошли бы иным путем, а не дорогой изоляции в узком военном блоке, куда пропуск действует только для схожих с саудовским режимом стран с консервативным монархическим строем. Иначе Эр-Рияд обеспокоился бы вопросом создания системы региональной безопасности для всех государств Персидского залива, то есть не только участников ССАГПЗ, но и Ирана и Ирака. И пример позитивного функционирования подобной системы для целого региона уже есть — в лице ОБСЕ, основы которой были заложены почти 40 лет назад на совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки в 1975, собравшем руководителей стран с разным политическим устройством и разной идеологией.

Иран за Ближний Восток без ядерного оружия

Сейчас саудовцы либо по незнанию, либо намеренно игнорируют (да не только они) тот факт, что уже 40 лет назад была предпринята попытка уменьшить накал напряженности на Ближнем Востоке в целом путем его превращения в зону, свободную от ядерного оружия. И с таким предположением в 1974 году впервые выступил не кто иной как Иран — после очередной арабско-израильской войны 1973 года. Затем Египет и ряд других арабских государств поддержали эту инициативу. В результате этих шагов Генеральная Ассамблея ООН 9 декабря 1974 года приняла Резолюцию 3263 «Учреждение зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), на Ближнем Востоке». (Кстати, очень показательным образом нарушил резолюцию 3263 ГА ООН, т.к. он не только не избавился от своего ядерного оружия, но и стал максимально наращивать свой ядерный арсенал с помощью США, Великобритании и ряд европейских стран). В апреле 1990 года президент Египта Хосни Мубарак пошел дальше и предложил создать на Ближнем Востоке зону, свободную от всех типов ОМУ. Однако на пути создания такой зоны продолжали стоять серьезные препятствия. Тот же ядерный потенциал Израиля и его отказ присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) вместе с продолжавшейся стратегической и политической напряженностью в регионе заблокировали продвижение к этой цели.

Были и менее глобальные по географическому охвату инициативы, касающиеся непосредственно безопасности Персидского залива. Так, в марте

1981 года Москва выступала с предложением создания системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива, представляющего собою своего рода «невралгический центр» современного мира, выдвинув предложение заключить международное соглашение, призванное снять в этом районе военную угрозу и совместными усилиями гарантировать суверенные права заливных государств и безопасность морских коммуникаций. Это предложение, правда, не могло быть реализовано в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта между Ираком и Ираном и развертывавшейся «танкерной войны», и его внесение было скорее всего рассчитано на пропагандистский эффект.

Оккупация Ираком Кувейта в августе 1990 г. придала новое измерение проблеме безопасности в Персидском заливе. Она наглядно продемонстрировала неспособность его государств противостоять более сильным региональным державам, а также несостоятельность их попыток создать коллективную самооборону. Отсюда вытекал вывод о важности для них опоры на доказавшую свою эффективность внешнюю поддержку, то есть США. Однако тут неизбежно вставал вопрос о том, каким образом — на двусторонней или многосторонней основе — целесообразно выстраивать ориентированную на помощь извне систему безопасности.

Первую попытку сформировать новую систему предприняли Каир и Дамаск: сразу же после окончания войны с Ираком и освобождения Кувейта в марте 1991 г. была принята Дамасская декларация, в которой заявлялось, что страны ССАГПЗ рассматривают присутствие египетских и сирийских войск в качестве сердцевины субрегиональной безопасности. Этими благими пожеланиями все и ограничилось. Ни Египет, ни Сирия не располагали возможностями постоянно держать крупные контингенты в районе Персидского залива, и к тому же против их военного присутствия там выступили США.

Российская концепция безопасности в зоне Персидского залива

Многочисленные конфликты вокруг Ирака вплоть до американской оккупации этой страны в 2003 году не давали возможности серьезно говорить о превращении Персидского залива в зону мира и стабильности. А тут еще возникла раздутая на Западе проблема с ядерной программой Ирана. В этих условиях Россия в 2007 году выступила с еще одной инициативой. Она представляла собою детально проработанный документ, учитывающий подходы к этой проблеме всех стран Персидского залива и внерегиональных держав и предполагающий выход на решение проблемы на основе баланса интересов сторон. Ее основополагающими принципами должны стать урегулирование конфликтных ситуаций политико-дипломатическими методами, проведение миротворческих операций только в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН, участие всех заинтересованных сторон в принятии и выполнении решений, приверженность всех государств международно-правовым документам, регулирующим отношения в зоне Залива, урегулирование проблемы иранской ядерной программы и иракского кризиса как первого этапа продвижения к созданию системы безопасности, поэтапное осуществление мер доверия, понимание, что формирование заливной системы является частью задачи обеспечения безопасности на Ближнем Востоке.

Предполагается, что все страны Персидского залива и внерегиональные государства подтвердят свои международно-правовые обязательства, в т.ч. отказ от применения силы и угрозы силой, будут придерживаться транспарентности в военной области, заключат договоры о контроле над вооружениями, в контексте задач по укреплению режима нераспространения на Ближнем Востоке предпримут шаги к превращению региона в зону, свободную от ядерного оружия, подпишут соглашения о борьбе с терроризмом, незаконной торговлей оружием, наркотрафиком, организованной преступностью. Все это должно будет сформировать условия для создания специальной структуры по безопасности и сотрудничеству в зоне Персидского залива под эгидой ООН. Выдвинутая Россией концепция была благоприятно воспринята в государствах Персидского залива. Но США стали всячески ей противодействовать, чтобы сохранить свое военное доминирование в регионе, основанное на прямом военном присутствии (база ВВС в Катаре, база ВМС на Бахрейне и 5-й флот в водах Персидского залива, базы сухопутных войск в Кувейте и т.д.) и продолжать накачивать Саудовскую Аравию и другие страны ССАГПЗ своим оружием по многомиллиардным контрактам.

Конечно, это не означает, что усилия по продвижению российских предложений должны быть свернуты. Тем более что американские войска ушли из Ирака, а ситуация вокруг иранской ядерной программы, пусть медленно, но имеет тенденцию к нормализации. Сейчас важно не дать этой инициативе заглохнуть, продолжая поддерживать ее «на плаву». Но делать это должны в первую очередь сами страны этого региона. Здесь хотелось бы привести слова из интервью главы МИД России С.В.Лаврова газете «Аль-Хайят», высказанные еще в августе 2008 года: «Российская концепция предусматривает поэтапное продвижение к цели, начиная с решения наиболее острых проблем, таких как иракский кризис и иранская ядерная программа. В то же время нужно поступательно вести дело к комплексному оздоровлению положения в субрегионе путем выработки мер доверия, гарантий безопасности и достижения договоренностей о борьбе с транснациональным терроризмом и другими вызовами. Продвижению вперед на этих направлениях способствовал бы созыв международной конференции по безопасности в зоне Персидского залива с самым широким кругом участников. Кроме того, налаживание широкого взаимодействия по безопасности в районе Персидского залива оказало бы позитивное влияние на ситуацию на всем Ближнем Востоке. Помимо прочего создание системы безопасности в субрегионе способствовало бы прочной стабилизации мирового рынка энергоносителей».

Вот и возникает вопрос — а зачем огород городить, если российская концепция обеспечивает интересы всех региональных стран Персидского залива, включая Саудовскую Аравию? Ответ может быть только один — Эр-Рияду не хочется быть равным среди равных в этом районе из-за непомерных амбиций ваххабитского королевства. Да и присутствует огромная ревность к Ирану и Ираку, которые объективно являются более мощными и развитыми во всех отношениях странами, к тому же с республиканским строем и шиитским большинством. Вот и разжигают саудовские правители вражду в зоне Персидского залива, выдвигая идеи военного альянса с ограниченным участием в нем по признаку «поменьше демократии правящих режимов и побольше дискриминации по религиозному признаку». Только вот устроит ли это других стран ССАГПЗ, которые не хотят стать заложниками твердолобой саудовской политики? Скорее нет, т.к. им для выживания нужна не конфронтация, а стабильность и мир в регионе.

Владимир Алексеев

«Шиитская дуга» — новая реальность Ближнего Востока?

Нынешнее противостояние суннитов и шиитов во многом было спровоцировано реализацией американской концепции создания «Большого Ближнего Востока» или, иными словами, демократизацией региона Ближнего Востока и Северной Африки (РБВСА) путем замены в арабском мире одряхлевших и коррумпированных режимов светского или полусветского плана на демократию западного типа. Ведущая роль при проведении «революций» в арабском мире отводилась Саудовской Аравии, как самой богатой стране региона, где у власти вообще находятся ваххабиты и салафиты, которых даже к суннитам можно отнести весьма условно. Правда, при этом в Вашингтоне не просчитали до конца — а что делать с консервативными арабскими монархиями Персидского залива, где вообще и не пахло демократией. Не было ясности и в том, как произвести перемены и при этом не сломать и без того хрупкий баланс между двумя основными течениями ислама — суннизмом и шиизмом.

США в свойственной им манере ковбоев начали процесс «демократизации» сразу и решительно, в 2003 году вторгнувшись и оккупировав наиболее уязвимую с точки зрения суннитско-шиитского противостояния страну — Ирак. И тут же произошел сбой. Ведь суннитский режим Саддама Хусейна всегда ориентировался на западную систему ценностей, тогда как иракские шииты, составляющие почти 2/3 населения государства, были самой угнетенной частью иракского общества и традиционно ориентировались либо на Иран, либо на идеи марксизма и коммунизма, за которыми в свое время стоял СССР. И уже через три года после американских «демократических» экспериментов в Ираке вспыхнула полномасштабная война, с которой Вашингтон так и не смог справиться. Унизив суннитов и выкинув их из властных структур и армии, американцы собственными руками привели к вершине власти шиитские организации и группировки, причем откровенно проиранской ориентации. И это было вполне понятно — свою роль сыграла не столько глупость американских стратегов, сколько естественный демографический фактор. При относительно свободных выборах побеждает тот,

за кем стоит большинство. То есть шииты. И США вынуждены были в 2011 году покинуть страну, которая к этому времени уже находилась в орбите влияния Тегерана.

Но этой ошибки было мало, и тогда Вашингтон, подталкиваемый ваххабитскими правителями Саудовской Аравии и Катара, которые опасались резкого усиления Исламской Республики Иран (ИРИ) при формирующемся союзе с Ираком в зоне Персидского залива, начал нагнетать напряженность вокруг Ирана, в том числе используя как предлог тезис о его ядерной программе. Чуть позже пришла «арабская весна» с крушением режимов в Египте, Тунисе и Ливии и начавшейся гражданской войной в Сирии, которая постепенно приняла очертания противостояния суннитских боевиков и террористов всех мастей против алавитского режима Башара Асада, поддерживаемого Ираном, иракскими шиитами и Хизбаллой. И вот здесь все вдруг заговорили о грандиозном плане Тегерана создать «шиитскую дугу» или «шиитский полумесяц», то есть союз государств с преобладающим или же многочисленным шиитским населением против суннитско-ваххабитского альянса, опирающегося на США и Запад. Так ли это? И что лежит в основе таких теорий? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, надо вернуться на 10 лет назад.

Термин «шиитский полумесяц» впервые в 2004 году употребил иорданский король Абдалла Второй, причем в отношении Ирака. А в 2006 году бывший президент Египта Хосни Мубарак произнес историческую фразу: «Шииты на всем Ближнем Востоке более верны Ирану, чем своим странам». В том же году советник короля Саудовской Аравии по вопросам безопасности заявил, что религиозный долг Саудовской Аравии заключается в том, чтобы вторгнуться в Ирак из-за угрожающей ситуации в этой стране. Арабские СМИ при финансовых вливаниях стран ССАГ-ПЗ во многом поддержали это заявление, делая зачастую совершенно нереалистичные репортажи об усилении шиитов в Ираке. Они раструбили о «шиитской волне» и «шиитской опасности», о некоем «шиитском возрождении». Эти явно преувеличенные страхи и заявления, в основном, касались изменения политической обстановки в Ираке и его плавного перехода под шиитский контроль после американской агрессии. Впервые в истории арабская страна оказалась под властью шиитов. Смена режима в Ираке стала причиной резких перемен как в самой стране, так и в регионе в целом. Она вызвала межконфессиональные трения и создала взрывоопасную обстановку для всего региона. Но ведь при этом забывалось главное — чьи действия привели к этому? А ответ лежит на поверхности — действия, а точнее военная агрессия Соединенных Штатов Америки! Тогда причем здесь Иран? Он же в Ирак не вторгся, как и не совершал агрессии против своих других арабских соседей.

Смена режима в Ираке стала причиной резких перемен как в самой стране, так и в регионе в целом

И еще один важный фактор. Термин «шиитский полумесяц» вызвал самые бурные дискуссии еще и потому, что с его помощью сейчас пытаются во многом объяснить изменение регионального баланса сил и растущую роль Ирана как наиболее перспективной и супер мощной региональной державы. «Шиитский полумесяц» от западных границ Афганистана до побережья Средиземного моря в Ливане и Сирии, благодаря своему выгодному гео-

графическому положению и способности сплотить верующих мусульман-шиитов, объединенных религиозными и политическими взглядами, похоже, что стал новой реальностью Ближнего Востока. Но из этого не стоит выстраивать концепцию, объясняющую непомерные стратегические амбиции Ирана расширить свое влияние на весь арабский и исламский мир. Другое дело — неоспорим тот факт, что «арабская весна» объективно послужила больше всего интересам Ирана, создав благоприятные условия для появления «шиитского полумесяца», который вполне может стать инструментом укрепления иранского влияния на Ближнем и Среднем Востоке и в зоне Персидского залива. Парадоксально, но ведь не Иран же стоял за «арабской весной», а все те же аравийские монархии и их западные союзники, прежде всего США. Как говорится, «за что боролись, на то и напоролись». Союз Ирана, Ирака, Сирии и Ливана — это новая геополитическая реальность с ведущей ролью Ирана, с которой придется считаться и США, и Саудовской Аравии, и Турции, и Израилю. А также Египту, который еще не скоро преодолеет последствия целой череды переворотов и экономического хаоса.

Союз Ирана, Ирака, Сирии и Ливана — это новая геополитическая реальность с ведущей ролью Ирана, с которой придется считаться и США, и Саудовской Аравии, и Турции, и Израилю

Конечно, было бы глупо отрицать тот факт, что сейчас Иран использует «арабскую весну» для усиления своего влияния на шиитские регионы Ближнего Востока. Так делают все крупные страны во всех регионах. Это — «реал-политик». Иран как основное шиитское государство и так является основным центром «шиитского полумесяца» и признанным центром религиозного притяжения

для шиитов. Несмотря на значительные различия между шиитскими общинами разных стран, шиизм продвигается, как идеология и как критерий идентичности, который объединяет шиитов всего региона и исламского мира в целом. Тем более что многие из них долгое время страдали от авторитарных суннитских режимов даже в странах, где они были большинством, например в Ираке. Кроме того, шииты в арабском мире зачастую склонны идентифицировать себя прежде всего как шииты, а уже потом как арабы. В то время как арабы-сунниты ставят выше свою арабскую идентичность.

В любом случае «шиитский полумесяц», хоть он еще и не стал юридически оформленным военно-политическим союзом или альянсом, но уже принимается в расчет региональными игроками. Не зря, видимо, Саудовская Аравия так отчаянно пытается не допустить прекращения конфликта в Сирии, подливает масло в огонь суннитско-шиитского вооруженного противостояния в Ираке, стремится любым способом сорвать нормализацию отношений Ирана с Западом. В Эр-Рияде смертельно боятся только одного — усиления роли Ирана в мире. С усилением роли Ирана существенно повышается роль шиитов в регионе в целом, а это, в свою очередь, неминуемо приводит к новой реальности на Ближнем Востоке. А новая реальность такова, что в ней уже не будет места для Саудовской Аравии в нынешнем ее виде, и Вашингтон, кстати, не сможет ей помочь ни при каких обстоятельствах. Королевству, созданному искусственно 80 лет назад, грозит неминуемый распад как минимум на три-четыре анклава, причем первой может объявить о своей независимости ее Восточная провинция, населенная в основном шиитами

и где на сегодня добывается 90% всей нефти КСА. Новая реальность такова, что следом Бахрейн станет вторым арабским государством, где власть тут же перейдет к шиитам. А дальше самым серьезным образом встанет вопрос о сохранении монархического строя в Кувейте, Катаре и ОАЭ. Вот почему Саудовская Аравия сейчас из кожи вон лезет, чтобы ни при каких обстоятельствах не допустить разрешения иранского кризиса, делает все возможное и невозможное, чтобы воспрепятствовать ирано-американскому и ирано-европейскому сближению. Но как бы там ни было, мир неумолимо идет к новым реальностям на Ближнем Востоке.

Несмотря на свою полную обреченность и отсутствие исторической перспективы, Саудовская Аравия, в принципе, все еще способна затопить регион большой кровью. Она может поспособствовать, чтобы нынешняя гражданская война в Ираке переросла в более масштабную версию ирано-иракской войны 1980–88 гг., когда воевать будут уже не две страны, а два лагеря, разделенных по конфессиональному признаку. И тогда «шиитским полумесяцем», а точнее «шиитской луной» можно будет назвать весь регион проживания шиитов, включая Восточную провинцию Саудовской Аравии, Бахрейн, часть Кувейта, целые районы Катара и ОАЭ, в которых Иран, если захочет, сможет мобилизовать «братьев по вере» для своих политических целей. Пока что он этого не делает, стремясь действовать исключительно дипломатическими и политическими средствами. Но агрессивность ваххабитского королевства и ряда других стран вполне может подтолкнуть его к пересмотру своего подхода к этому вопросу.

По всей видимости, «шиитская дуга» — это новый тренд, новая реальность на Ближнем Востоке. И в этой ситуации для России очень важно быстро и правильно оценить этот новый фактор в регионе и должным образом отреагировать на него. Судя по всему, особые партнерские отношения с «тройкой» шиитской дуги обеспечат интересы России на Ближнем Востоке и в Персидском заливе намного эффективнее, чем поиск новых форм взаимодействия с государствами типа Египта, которым сейчас нужны от Москвы лишь дешевые кредиты и иная помощь. Ставить на них большого смысла нет, так как, по своей сути, они как были, так и останутся прозападными, либо же к власти в них придут «Братья-мусульмане» или другие исламистские группировки. Также были бы тщетными попытки хоть что-то получить в финансово-экономическом плане и от стран ССАГПЗ. Аравийские монархии, особенно ваххабитские Саудовская Аравия и Катар, по своей идеологии глубоко враждебны России, а их коррумпированная элита напрямую завязана на США и Запад в целом. Более того, они тяготеют к поддержке радикальных исламистских течений на территории РФ, вплоть до оказания прямой помощи ваххабитско-салафитским группировкам и террористам всех мастей. Тогда как база для установления более тесного партнерства с шиитским полумесяцем уже имеется в виде давних дружественных отношений во всех сферах с каждым государством из «тройки» Сирия, Ирак и Иран. И сделав ставку на этот альянс, Россия имеет все шансы вернуться в регион, потрепанный «арабскими революциями», с новыми, более солидными позициями.

Икрам Сабиров

Челночная дипломатия Керри: Странности юбилейной поездки

Суннито-шиитская война в Ираке стала реальностью. В Сирии исламисты физически устраняют конкурентов, стремясь полностью подчинить себе анти-асадовскую оппозицию. Ливан стоит на пороге новой гражданской войны, в которую, по недоброй традиции, вмешаются извне. Филиалы аль-Каеды вольготно чувствуют себя на просторах Леванта и Магриба. Но госсекретарь Керри, словно игнорируя эти острые проблемы, каждая из которых может обернуться большой кровью для всего региона, в юбилейный, десятый раз посещает Израиль с посреднической миссией по урегулированию израильско-палестинского конфликта.

Политическая близорукость? Неумение американской администрации определить внешнеполитические приоритеты в регионе? Или же, в преддверии выборов в Конгресс, демократы стремятся набрать максимально возможное количество очков, добившись прорыва в разрешении одного из самых запутанных конфликтов нашего времени? Разумеется, предстоящие выборы и надвигающаяся президентская кампания в США повлияли на маршрут Керри. Но далеко не в той степени, как это может показаться на первый взгляд. На посредничестве в израильско-палестинском конфликте можно «сделать имя», стать номинантом Нобелевской премии мира, но добиться реальных результатов — невозможно. И юбилейная поездка Керри в очередной раз это доказала. В Рамалле палестинская сторона встретила его усилия равнодушно. Израильские же правые были более эмоциональны и креативны — на визит американского госсекретаря они ответили едким рекламным видеороликом о вымышленной фирме «Решение проблем от Джона Керри», которая предлагает использовать израильтянам вместо туалетной бумаги ежа.

Отдают ли себе отчет Керри, уже примеряющий на себя роль хозяина Белого Дома после 2016 года, и Обама, который за два своих президентских срока окончательно загнал внешнюю политику США на Ближнем Востоке в тупик, что их предложения Израилю и Палестине ни одной из сторон приняты не будут? Тель-Авиву предлагается вернуться в границы 1967 года и заморозить строительство поселений на оккупированных территориях. Рамалла должна признать Израиль как «государство еврейского народа» и согласиться с тем, что Тель-Авив в течение неопределенного периода будет осуществлять полный военный контроль восточной границы Палестины.

Все самые острые проблемы, которые существуют в израильско-палестинских отношениях, по мнению американцев, должны уйти на второй план и решаться в рабочем порядке, без каких-либо международных гарантий, только на основании «доброй воли договаривающихся сторон».

Это даже не план, это черновик предварительных условий, который неприемлем ни для администрации Палестины, ни для руководства Израиля. Керри еще «челночил», а Юваль Штайниц, министр разведки Израиля и близкий союзник Нетаньяху, уже сказал в интервью израильскому радио, что Израиль не примет никаких соглашений в рамках границ 1967 года. Еще более откровенно высказался депутат Кнессета Аиелет Шакед, сравнивший принятие американских соглашений с «актом национального самоубийства». Столь враждебная реакция на американские предложения была вполне ожидаемой и прогнозируемой. Никаких неожиданностей в позиции израильтян и палестинцев для Белого дома не было. Тогда для чего нужен был этот внешне совершенно безрезультатный визит?

Погоня за стадом зайцев

Как политик — Керри куда как искушеннее Обамы. Он лучше знает, что действительно необходимо политическим элитам в Вашингтоне, он лучше чувствует изменения курса, и потому руководство Демократической партии США сегодня ставит именно на него, как на единственного человека, способного в нынешней администрации выправить те ошибки, которые наделал Обама на Ближнем Востоке. Главные претензии американского истеблишмента к Обаме — охлаждение отношений с Тель-Авивом и Эр-Риядом и попытка сближения с Тегераном. Еще более серьезное обвинение — рост влияния России в ближневосточных делах, вещь три-четыре года назад совершенно немыслимая и влекущая в перспективе для Вашингтона достаточно неприятные последствия. Нужно «отыграть назад», то есть — пойдя навстречу пожеланиям Израиля и Дома Саудов — «поставить заслон стремлению Тегерана к региональной гегемонии и обеспечить безопасность Израиля от иранской ядерной угрозы». Внешне выглядит совершенным бредом, но поскольку внешняя политика США при Буше-младшем и Обаме идеологизировалась до крайности — такими пропагандистскими штампами там нынче все и обосновывается. Встречи Керри с монархами Иордании и Саудовской Аравии, необычайно комплиментарные оценки этих встреч со стороны принца Сауда аль-Фейсала, который еще недавно достаточно жестко критиковал Обаму и его политику на Ближнем Востоке, а главное — достигнутые в ходе поездки Керри договоренности, дают все основания утверждать, что американский истеблишмент, опираясь на своих стратегических партнеров, готовится к «работе над ошибками», намеревается «отыграть ситуацию».

В практическом плане это «отыгрывание» предполагает во-первых, формирование новой расстановки сил в «израильском тылу». Саудовская Аравия получает больше «полномочий» и в работе с палестинцами, и в работе с суннитами Ливана, и в выстраивании отношений с ХАМАСом. Для стратегического партнера Тегерана и Дамаска — Хизбаллы — возникает ситуация «молота и наковальни». С одной стороны — суннитская коалиция, с другой — военная мощь израильской армии, которая в операциях против

Хизбаллы на такие «мелочи» как границы других государств, в частности Ливана, внимания обращать не будет. И необходимо заметить, что руководство Хизбаллы эту угрозу уже почувствовало, начав переброску части тяжелого вооружения из Сирии обратно, в Южный Ливан. Во-вторых, достаточно уклончивые комментарии Керри по ситуации в Ираке свидетельствуют, что суннито-шиитское противостояние в этой стране для коалиции Вашингтон — Тель-Авив — Эр-Рияд как нельзя более кстати. Всеми миру демонстрируется — «страна, сделавшая ставку на партнерство с Тегераном, заключающая контракты с Москвой ни на что хорошее рассчитывать не может». И здесь как нельзя более кстати будет заметить, что Вашингтон не просто «просмотрел» усиление террористической группировки «Исламское государство Ирака и Леванта», которая сейчас контролирует провинцию Анбар, он это усиление культивировал, намеренно затягивая с 2011 года переговоры с иракским правительством по поставкам американских вооружений, которые позволили бы разгромить повстанцев еще на ранних этапах.

Иранские военные в лице генерала Мохаммада Хеджази уже выступили с заявлением, что готовы оказать Багдаду необходимую помощь оружием и инструкторами для борьбы с экстремистами

Стоит ли этому удивляться, если «Исламское государство Ирака и Леванта» спокойно контролировала городские кварталы в Фаллудже еще тогда, когда там находились американские войска. Собственно, в Фаллудже американцы были трижды — два раза в 2004 году и во время операции по зачистке в 2007–2008 гг. И все три раза фундаменталисты «ускользали» от разгрома. Иранские

военные в лице генерала Мохаммада Хеджази уже выступили с заявлением, что готовы оказать Багдаду необходимую помощь оружием и инструкторами для борьбы с экстремистами. Нет никаких сомнений, что Вашингтон и саудиты будут «подбрасывать поленья в костер» с другой стороны, поддерживая «джихадистов». Все знакомо еще с 1941 года, когда будущий американский президент Гарри Трумэн сказал свое историческое: «Если мы увидим, что побеждают немцы — мы будем помогать русским. Если увидим, что побеждают русские — будем помогать немцам. И пусть они убивают друг друга как можно больше». Меняются только народы, но не американские подходы ко внешней политике...

Измотать Иран!

В ходе этого своего юбилейного визита на Ближний Восток Джон Керри сделал заявление, которое ряд наблюдателей щедро назвали «историческим». Впервые за более чем тысячу дней «сирийского кризиса» высокопоставленный американский чиновник признал, что «власти Ирана смогут принести пользу на переговорах «Женева-2» по разрешению конфликта в Сирии». Впрочем, Керри тут же пояснил, что не исключает такую возможность, даже если Иран не будет участвовать в переговорах формально, поскольку «Иран трудно представить в качестве партнера на уровне министров, потому что в прошлом году он не поддержал международное соглашение по Сирии». Нет, американцы ни в коем случае не закрывают Тегерану дорогу в Монре. При соблюдении нескольких условий, разумеется. Во-первых,

Асад должен уйти, во-вторых, Иран должен немедленно прекратить любую помощь Дамаску и, в-третьих, Тегеран уже сейчас должен призвать Асада к прекращению бомбардировок позиций мятежников и предоставлению «гуманитарных коридоров» блокированным силам оппозиции.

С одной стороны, пусть «сквозь зубы», но США признали, что без Ирана кризис в Сирии не может быть разрешен. С другой — Ирану в процессе урегулирования отведено место «на обочине», да и то лишь при условии соблюдения им совершенно неприемлемых условий. Иначе как оскорблением такое «предложение» назвать трудно. Собственно, Тегеран так это и расценил, заявив 7 января, что «Исламская Республика Иран будет сотрудничать для достижения любого политического решения конфликта в Сирии, но без каких-либо предварительных условий». В итоге получается, что вся юбилейная поездка Керри по факту представляет собою не посредническую миссию в израильско-палестинском урегулировании, а укрепление антииранской коалиции в регионе, постановку новых задач и перераспределение «зон ответственности» среди ближайших союзников США.

Становится очевидным, что новый этап ближневосточной партии Вашингтона нормализацию отношений с Тегераном не предусматривает, а американо-иранский диалог начинает приобретать несколько странные черты: США и их союзники требуют от Ирана все больших уступок. Сами же даже демонстративные жесты и заявления обставляют таким количеством оговорок, что грань между диалогом и откровенным обманом стирается. Но проблемы диалога — это еще половина беды. Гораздо опаснее, что реализуя в угоду своим стратегическим партнерам в регионе — Тель-Авиву и Эр-Рияду, схему «сдерживания Ирана», Вашингтон вновь обращается к практике «управляемой дестабилизации». «Измотать Иран», создавая ему к «сирийскому фронту» еще и ливанский, и иракский — это безумная авантюра, которая обернется в регионе большой кровью. «Лекарство», которое сейчас изобретает американский истеблишмент для того, чтобы и имидж «миротворца по иранскому ядерному досье» поддержать, и с Израилем и Саудитами отношения сохранить — куда как страшнее и губительнее самой «иранской болезни».

Итоги челночной дипломатии Керри по большому счету должны стать холодным душем для тех, кто в Иране надеется на искренность американской стороны в диалоге Вашингтон — Тегеран. Расчеты на то, что ситуация в Ираке станет «началом регионального сотрудничества США и Ирана» по образцу 2001 года в Афганистане, не имеют под собою оснований. И Багдад, и Бейрут станут полем операций именно антииранской коалиции, а не площадкой реализации конструктивного ирано-американского сотрудничества. Одновременно с этим поездка Керри должна стать и тревожным звонком для российского руководства. Трио «Вашингтон — Тель-Авив — Эр-Рияд» конкурентов на ближневосточной площадке не терпит. То, что сейчас делается под предлогом «ограничения иранской гегемонии», одновременно является и борьбой с российским влиянием в регионе, реваншем за наши ближневосточные успехи минувшего года.

Игорь Николаев

Иран против санкций: Внутренняя мобилизация и «черные рыцари» торговли

Возможно ли выстоять в противостоянии с США и западным блоком экономики страны, на горло которой накинута удавка международных и односторонних санкций? Опыт Ирана показывает — вполне возможно. Урок иранского противостояния американским санкциям говорит о том, что при наличии политической воли и созидательной энергии руководства, при наличии веры у народа в собственные силы и патриотизма не страшен никакой экономический диктат. В преддверии нового этапа охлаждения американо-российских отношений нам неплохо было бы усвоить и этот урок...

Санкции в отношении Ирана Белый дом начал вводить с 1979 года, сразу же после Исламской революции и падения шахского режима. Президентский Executive Order 12170 Джимми Картера в 1979 году, согласно которому были заморожены все иранские активы (примерно 12 миллиардов долларов), открыл историю санкционной войны США против Тегерана. Тогда причиной санкций стал захват иранскими студентами посольства США и находящихся в нем сотрудников. Заложников освободили в момент инаугурации Рейгана, но вот о возвращении замороженных активов новый президент США тут же «забыл», оставив данный вопрос для последующего торга. В вопросе санкций все президенты США сохраняли трогательную преемственность, вне зависимости от охлаждения или потепления отношений Запада с Исламской республикой и уж тем более — вне зависимости от иранского ядерного досье.

В условиях безраздельной гегемонии и монополярности США в 90-х Вашингтону удалось навязать ООН концепцию о том, что «страдание населения будет приводить к давлению на правительство», и тем самым создать какое-никакое оправдание санкций в глазах международной общественности. Несовершенство данной концепции было очевидным, что признавал даже тогдашний генсек ООН Кофи Аннан, писавший: «Когда жесткие и всеобъемлющие экономические санкции применяются против целого государства, возникает другая проблема. В этом случае обычно страдают простые люди, а не политическая элита, поведение которой спровоцировало введение санкций».

Американская концепция санкций как инструмента оказания давления на правящий в той или иной стране режим страдала откровенным логическим провалом: если режим в том же Иране тоталитарный и там отсутствует демократия, то как иранцы могут влиять на руководство? А если в Иране все же присутствуют нормальные возможности для волеизъявления населения (что, собственно, и есть на самом деле), то тогда санкции являются калечащими не в отношении руководства, а иранского народа. Но кого интересует логика, если речь идет о патологической иранофобии?

Следуя в русле американского видения мироустройства и того, как нужно экспортировать демократию, то же международное сообщество, не возражая против ужесточения санкций в отношении Ирана, не удосужилось задать очевидные, казалось бы, вопросы: а помогли ли жесточайшие санкции США сменить Фиделя Кастро на Кубе? Сильно ли повлияли санкции на 33-летнее пребывание у власти в Зимбабве Роберта Мугабе, на котором вообще клейма ставить негде было? Не возник и самый главный вопрос: возможно ли нанесение серьезного ущерба санкциями экономике страны, которая пользуется устойчивым авторитетом в мире, руководство которой искусно использует политические противоречия в международном сообществе и, что еще более важно, отлично играет на экономических противоречиях в отношениях США со своими стратегическими партнерами, к которым безо всякого сомнения относятся Турция, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и Южная Корея. Американскому режиму калечащих санкций Исламская республика противопоставила внутреннюю мобилизацию и систему «черных рыцарей». И, как оказалось, противопоставила вполне успешно, опровергая миф о несокрушимой мощи американского давления.

С опорой на собственные ресурсы

23 августа 2012 года Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи призвал правительство страны создать «экономику сопротивления», способную противостоять международным санкциям. Но этот новый термин является лишь продолжением курса «экономического джихада», официально провозглашенного Рахбаром еще в 2011 году, а де-факто проводившегося с первых дней существования Исламской республики. Суть что экономического джихада, что экономики сопротивления заключается, если отбросить лишнее, в том, чтобы Исламская республика значительно сократила свою зависимость от экспорта энергоресурсов и перешла на экспорт продукции высокого передела.

Сторонники санкций, доказывая их эффективность и оправдывая экономические потери, которые понес Запад от утраты иранских рынков, очень любят ссылаться на сделанное в середине 2012 года заявление иранского министерства нефти о том, что экспорт нефти и, соответственно, получаемые от этого экспорта доходы сократились более чем на 40%. Достаточно лукавый аргу-

23 августа 2012 года Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи призвал правительство страны создать «экономику сопротивления», способную противостоять международным санкциям

мент, призванный убедить в эффективности санкций, не выдерживает критики с учетом того обстоятельства, что с 2010 года Иран нарастил экспорт нефтепродуктов. В том же 2012 году иранский экспорт нефтепродуктов, полиэтилена и удобрений составлял \$9 миллиардов, на \$3,2 миллиарда было экспортировано пластика, на \$8,2 миллиарда — строительных материалов (камень, цемент и сопутствующие товары), на \$5,3 миллиарда — сельхозпродукции и на \$800 миллионов — ковров. Крупнейшими импортерами иранских нефтепродуктов за первые одиннадцать месяцев 2012–2013 финансового года являлись Ирак (\$5,6 миллиардов, в том числе на \$300 миллионов Ирак приобрел автомобилей иранского производства, успешно перепродал их затем в другие страны региона), Китай (\$4,8 миллиарда), Объединенные Арабские Эмираты (\$3,9 миллиарда), Афганистан (\$4,2 миллиарда), Индия (\$2,4 миллиарда) и Турция (\$1,3 миллиарда). Нарастание нефтеэкспорта и экспорта продукции высокого передела позволило иранскому руководству удержать дефицит бюджета в 2012 году на достаточном приемлемом уровне, около 12%. Для сравнения — бюджетный дефицит США на пике рецессии в 2009 году составил примерно 10% от ВВП.

Ставка на высокие технологии и, соответственно, на экспорт продукции высокого передела явилась одним из наиболее эффективных ответов Исламской республики на режим калечащих санкций. Еще в 2011 году вышел доклад Лондонского научного королевского общества, в котором говорилось о том, что всего лишь через три года Иран может стать крупнейшей технологической державой исламского мира. Достижения Ирана в космической сфере, которые он продемонстрировал в 2012 и 2013 годах, этот прогноз еще раз подтвердили.

В качестве еще одного примера эффективности мобилизации внутренних резервов следует назвать отрасль, развитие которой вызывает повышенный интерес именно у российского читателя, слушавшего выступления Дмитрия Медведева об «инновациях», а именно — об иранских нанотехнологиях. По информации главы национальной организации «Иранская нанотехнологическая инициатива» Саида Саркара, сегодня Исламская республика по уровню развития данных технологий находится на первом месте среди мусульманских государств и на 12-м в мире. Согласно данным Калифорнийского университета США, 12% от общего числа иранских научных публикаций посвящены именно нанотехнологиям. В данной сфере на территории страны уже работают не менее 150 предприятий, а дисциплины, связанные с нанотехнологиями систематически преподаются в 17 ВУЗах Ирана. Некоторые образцы иранской продукции, произведенной с использованием нанотехнологий, либо уже экспортируются за рубеж, либо имеют такую перспективу в ближайшем будущем. И мега-проект типа Сколково не понадобился...

«Черные рыцари» торговли

Все более и более ужесточая в отношении Ирана экономические санкции, заявляя об их успешности и о том, что нынешнему режиму в Тегеране осталось всего ничего, еще одно усилие, еще одно ограничение — и он рухнет, ястребы иранофобии застенчиво молчат об эффективности «черных рыцарей», ведущих бизнес с Ираном в обход всяческих санкций и откровенно

издевающихся над усилиями федерального казначейства США. Энтузиасты санкций, особенно на их пике в 2010–2012 годах, пытались уверить, что «черные рыцари» торговли с Ираном являются представителями государств-изгоев, по американской классификации, таких, например, как Белоруссия, Куба, Венесуэла, Сирия или Северная Корея. Желание вполне понятное и объяснимое, поскольку позволяет избежать обсуждения такой щекотливой темы, как участие в обходе санкционного режима стран, которые Вашингтон считает стратегическими партнерами или же которые, как думают в Белом доме, Америка достаточно прочно контролирует.

2010 год был откровенно радостным для большого количества малых фирм из Индии, Сингапура, Японии и Малайзии. Они практически полностью компенсировали массовый отказ крупных морских перевозчиков обеспечивать экспорт нефтехимических товаров из ИРИ. В силу масштабов своего бизнеса эти фирмы не имели никаких деловых связей с США или Евросоюзом, никак не зависели от крупных американских банков, а потому могли не опасаться применения в отношении себя санкционных мер. Между тем контракты с иранскими партнерами оказались весьма привлекательными: за оказанные транспортные услуги представители ИРИ были готовы платить по повышенным тарифам. Схожий подход применялся и в случае, когда к 2011 году ряд крупных европейских страховых фирм отказался предоставлять свои услуги иранским танкерным компаниям. Замена им с доплатой «за особые условия контракта» была найдена за пределами Евросоюза, в той же Юго-Восточной Азии.

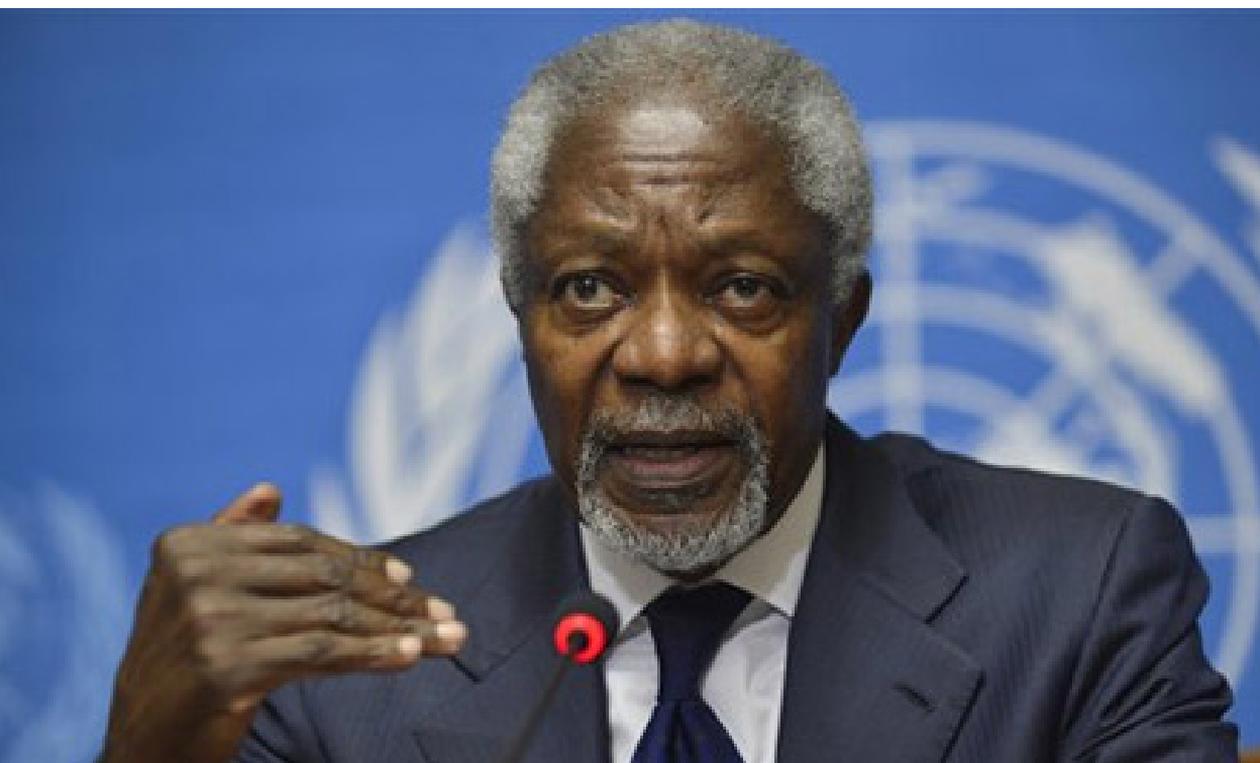
Любой «черный рыцарь», ведущий бизнес с Ираном, слаб поодиночке. Но иранское руководство политикою привлечения этих «черных рыцарей» за 15–25% переплату сумело сформировать из них ту критическую массу, которая сделала мелких торговцев реальной силой, подрывающей любой санкционный режим против Исламской республики. И стратегическая близость с США тут не помеха. Член НАТО, Турция, сквозь пальцы смотрит на то, как ее финансисты через турецкую банковскую систему продолжают, вопреки санкциям, осуществлять экспорт золота в Иран. Давление США и Евросоюза на турецкое правительство в данном вопросе привело лишь к тому, что турецкое золото поступает в Иран теперь кружным путем, через другого союзника США — Объединенные Арабские Эмираты.

Любой «черный рыцарь», ведущий бизнес с Ираном, слаб поодиночке

Иранский горнорудный бизнес держится на английских и немецких технологиях и оборудовании. Разумеется, все европейские бизнесмены — очень законопослушные, все как один соблюдают запрет Брюсселя на торговлю с Ираном. Предварительно договорившись с посредниками в Турции, они отправляют свои грузы в Дубай. За 3–5% от стоимости груза в Дубае на него делают новые документы, и он спокойно следует себе в иранский Бендер-Аббас. Не устраивает оплата через Дубай — есть возможности транзакций через Малайзию или Южную Африку... Египетским военным, инструменту США на Суэце и одному из важнейших элементов американского влияния на Ближнем Востоке, принадлежат 59,86% «Misr Iran Development Bank», который через государственный египетский Национальный инвестиционный банк и частно-государственную Misr Insurance Company обслужива-

ет инвестиции иранского правительства на Ближнем Востоке, в Африке и Южной Америке. Как не трудно догадаться, именно иранскому правительству принадлежит 40,14% остальных акций банка. Стратегическое партнерство и военно-политический блок с США — дело важное, но не настолько, чтобы упускать прибыль от бизнеса с Ираном.

Описание схем, с помощью которых «черные рыцари» обходят режим санкций, рассказ о том грандиозном труде по формированию «экономики джихада», которым Иран занят ежедневно, вполне заслуживает отдельной книги. Но речь сейчас не об этом. Идеология значительной части российской правящей элиты — пораженческая. Она, эта идеология, пронизана страхом перед экономическим могуществом США, боязнью вызвать раздражение западных экономических партнеров, стремлением угодить им даже в ущерб собственным интересам, стремлением обслужить не просто их желания, а даже намерения. Урок иранского противостояния американским санкциям и опыт деятельности торгового ордена «черных рыцарей» говорит, что при наличии политической воли и созидательной энергии, при наличии веры в собственные силы и патриотизма не страшен никакой экономический диктат. В преддверии нового этапа охлаждения американо-российских отношений нам неплохо было бы усвоить этот урок...

Владимир Алексеев

Персидский залив превращается во «внутреннее шиитское море»

Нынешняя конфронтация в зоне Персидского залива стала итогом острого противостояния между блоком арабских суннитских монархий, объединенных в региональную организацию Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) под предводительством Саудовской Аравии, и шиитским Ираном, который якобы пытается установить в этом районе свою гегемонию. Однако при этом почему-то забывается тот факт, что практически оба берега Персидского залива населены шиитами, как персами, так и арабами. А на этом активно спекулируют правители Эр-Рияда и зависящих от него арабских монархий, искусственно раздувающие суннито-шиитскую рознь, чтобы удержаться у власти под ветром перемен в арабском мире.

Саудовская Аравия разобьется о «шиитский фактор»

Если взять «арабский берег» Персидского залива, не считая Ирак, где шииты составляют большинство и находятся у власти, то основным районом компактного проживания шиитов на Аравийском полуострове является выходящая на Персидский залив Восточная провинция Саудовской Аравии, где добывается до 90% всей нефти королевства. Там проживает более 3 млн арабов-шиитов, составляющих свыше 15% населения КСА. Для наглядности — 40% рабочих американской нефтяной компании АРАМКО, являющейся основным предприятием, добывающим нефть в Саудовской Аравии, составляют шииты. Тем не менее, они находятся в плачевном материальном положении. Правительство выделяет мизерную государственную поддержку районам с преобладающим шиитским населением.

Саудовский гражданин шиитского вероисповедания с момента своего рождения подвергается всевозможным унижениям. В школе шиитов оскорбляют и обвиняют их в язычестве и ереси. Учебные пособия переполнены антишиитской клеветой. К тому же, шиитским представителям духовенства запрещено проповедовать и разъяснять предписания этой ветви исламской религии. Аналогичная ситуация царит и в высших учебных заведениях, где все пропитано антишиитской пропагандой. Шииты-студенты подвергаются унижениям под любым предлогом. Зато поощряются студенты, написавшие дипломную работу на антишиитскую тему. Они получают дополнительную стипендию. Саудовское правительство ежегодно выделяет миллионы долларов на издание книг против шиитского вероисповедания внутри и за

пределами страны. Государственной поддержкой пользуются интернет-блоги и СМИ, занимающиеся антишиитской и антииранской пропагандой, к примеру телеканал «Аль-Арабия». Из-за этого саудовские предприниматели предпочитают избегать коммерческих сделок с шиитскими бизнесменами. Кроме того, саудовские власти стремятся лишить шиитов мест, где они могли бы отправлять религиозные обряды. С этой целью они закрыли или разрушили множество шиитских мечетей и хусейнии (место, в которых собираются шииты для проведения траурных мероприятий). К примеру, только в 2012 году по приказу министра внутренних дел КСА были закрыты еще девять ведущих шиитских мечетей.

В саудовских тюрьмах томится большое число сторонников шиитской религии по политическим и религиозным обвинениям. Они содержатся там в очень тяжелых условиях. Большинство из них были задержаны по обвинению в проведении обычных религиозных обрядов. Несомненно, что до тех пор, пока продолжается дискриминационное отношение саудовского правительства к шиитам, власти Эр-Рияда не позволят им занять политические или военные посты. Подобное происходит и в государственных ведомствах. Почти что все ключевые посты в правительстве предоставлены членам династии Саудов.

Такая дискриминация объясняется следующими причинами. Во-первых, это беспочвенные религиозные распри, разжигаемые ваххабитским фанатизмом. И во-вторых, это политический аспект. В Эр-Рияде всегда с подозрением относилось к шиитам и считают, что они находятся под влиянием Ирана. А вследствие успехов шиитских движений за свои права в Ираке, Ливане и Йемене враждебность Аль-Саудов по отношению к шиитам еще больше возросла. На это наложился и тот факт, что алавитский (прим. — алавиты считаются шиитами) режим Башара Асада в Сирии не только не пал под ударами суннитских экстремистов и террористов, финансируемых ваххабитскими правителями КСА и Катара, но и прочно удерживает позиции при помощи вооруженных шиитских отрядов из «Хизбаллы» и иракской «Армии Махди».

В результате дискриминации и в знак протеста против ввода саудовских войск на Бахрейн в Восточной провинции, прежде всего в городах Аль-Катиф и Аль-Хуфuf, в 2011–2012 гг. прокаталась волна массовых шиитских выступлений, на подавление которых были брошены силы безопасности и полиции. Десятки людей были убиты. И тут же во всех саудовских СМИ прозвучали намеки на то, что волнения в Восточной провинции были инспирированы Ираном. При этом, когда госсекретарь Хиллари Клинтон попыталась хоть как-то осудить эти репрессии и призвать саудовских правителей к соблюдению прав человека, из уст главы МИД КСА Сауда аль-Фейсала раздалась угроза «отрубить пальцы всем тем, кто своими руками попытается влезть во внутренние дела страны». Ее визит в Эр-Рияд был тогда отменен, а Вашингтон на тему прав шиитов в Саудовской Аравии просто замолчал, продолжив кричать о свободах личности в других арабских странах.

Кувейт: затишье перед бурей

Шиитский вопрос становится проблемой и в соседнем Кувейте. В июле 2013 года его эмир шейх Сабах аль-Ахмед ас-Сабах принял отставку кабинета министров по итогам состоявшихся накануне выборов в парламент.

Их результат стал катастрофическим для местных шиитов, которые получили невероятно мало мандатов — в два раза меньше, чем в предыдущем парламенте. Ведь на этот раз шииты потерпели самое тяжелое поражение в истории Национальной ассамблеи, получив лишь восемь мандатов из пятидесяти. А для страны, где доля шиитского населения составляет не менее 35%, такой результат выглядит, мягко выражаясь, неестественно. Соответственно, речь может идти о «смене ориентиров политической верхушки». На предыдущих выборах в Национальную ассамблею шиитские политики завоевали максимальную поддержку населения, набрав почти 35% голосов. Однако закрепить успех им не удалось, так как уже через полгода Конституционный суд объявил результаты выборов нелегитимными, обвинив эмира в незаконном роспуске парламента предыдущего созыва. За последнее время регулярные роспуски Национальной ассамблеи стали нормой для Кувейта. Накануне выборов практически все аналитики предсказывали, что в стране и дальше будет нарастать политическая нестабильность. За последние два года протесты не раз стихийно вспыхивали на улицах столицы Эль-Кувейт и других городов. В окружении эмира убеждены: главный источник политических провокаций — живущие в Кувейте шииты, которых иногда называют «пятой колонной Тегерана». Как считают местные власти, именно под влиянием шиитских «подрывных элементов» в 2011 году в монархиях Персидского залива началась волна беспорядков, спровоцированных «арабской весной» в Тунисе, Египте и других государствах. Власти Кувейта вынуждены были удовлетворить некоторые требования митингующих, в первую очередь финансовые. Вполне очевидно, что состав парламента, в котором число шиитов сведено к минимуму, отвечает интересам правящей династии. Показательно, что места, ранее принадлежавшие шиитам, заняли представители либерального лагеря. Это якобы позволяет эмиру Саббаху аль-Ахмеду сохранять имидж умеренного политика, прежде всего в глазах США — основного союзника и «спасителя» от иракской оккупации в 1991 году. По прогнозу арабских и западных экспертов, при таком уровне дискриминации нельзя исключать, что Кувейт в любой момент может превратиться в новую арену противостояния между суннитами и шиитами, последовав примеру соседних арабских монархий — Саудовской Аравии и особенно Бахрейна, где шиитское большинство еще в 2011 году решительно выступило против дискриминации со стороны правящей суннитской династии, но их демонстрации были подавлены военной силой Саудовской Аравии. Кувейту, правда, пока проще, так как на его территории размещаются 35 тыс. военнослужащих США.

В ОАЭ шиитов не пускают на госслужбу, в армию и полицию

Не намного лучше живут шииты и в ОАЭ, которые считаются витриной монархий Персидского залива. Только в Абу-Даби на них приходится до 20% населения, а в Дубаи — не менее 30%. Они не могут занимать руководящие посты на госслужбе, в армии и полиции, подвергаются скрытой дискриминации в бизнесе. После событий на Бахрейне и «арабских революций» власти ОАЭ, продолжая свою враждебную политику против шиитского населения, приступили к депортации тысяч шиитов из арабских княжеств Персидского залива. Причем власти ОАЭ действуют по указке специали-

стов спецслужб Израиля, работающих под прикрытием в компании STG (Эс-Ти-Джи), которая сотрудничает с Эмиратами в вопросах безопасности, и в штате которой в числе прочих сотрудников числятся отставники и штатные сотрудники из МОСАДа. Этот проект по депортации шиитов, проживающих в стране, представляет собой секретный план, разработанный по личному указу Эмира Абу-Даби в рамках этнической политики. Главными его «целями» являются шииты — выходцы из Ирака, Ливана, Афганистана, Пакистана и Индии. В настоящее время, эмиратские власти напряженно думают, что делать с многотысячной иранской общиной, издавна проживающей на территории ОАЭ. Только в 2013 году более трех тысяч иранских бизнесменов, без объяснения причин, были выдворены из страны, и при этом закрыты десятки банков с участием иранского капитала.

Бахрейн станет вторым арабским шиитским государством

Жуткому и плачевному положению шиитов на Бахрейне недавно была посвящена специальная статья. Но некоторые важные вещи можно еще раз упомянуть. После вооруженного подавления шиитских протестов в феврале 2011 года силами саудовского воинского контингента на острове наступил этап очень хрупкого спокойствия, которое гарантируется саудовской оккупацией острова. Фактически в Бахрейне введено внешнее управление со стороны Саудовской Аравией. Все произошедшее было квалифицировано как «заговор иностранного государства по свержению существующего режима». Понятно, что в данном случае это был «прозрачный намек» на Иран. И сегодня власть суннитского королевского режима на Бахрейне обеспечивается исключительно военной силой Эр-Рияда. При этом арабские монархии Персидского залива, как впрочем и Запад во главе с США упор не видят этой проблемы и игнорируют ее, оставляя тем самым взрывоопасный очаг, способный вспыхнуть в любой момент.

Ведь, в настоящее время 70% населения Бахрейна составляют этнические арабы-шииты, а в структурах власти они представлены совершенно несправедливо. Представительство шиитов в таких структурах власти, как королевский двор, королевская гвардия и армия близко к нулю. Из 29 министерских постов в правительстве Бахрейна шиитам принадлежит только 6. Из 29 заместителей министров шиитами являются только 3. Из 230 высоких постов в судебной власти, включающей в себя Высший судебный совет, Конституционный суд, суды, административные советы и т.д., шииты занимают только 28 мест, и при этом среди них нет ни одного председателя суда, т.е. доля шиитов в судебной власти составляет около 12%. В законодательной власти среди 40 членов Консультативного совета (Меджлис аш-Шура) насчитывается 17 шиитов и среди 40 членов Палаты депутатов — 18 шиитов. Несправедливая избирательная система продолжает сохранять жесткую дискриминацию шиитского большинства населения королевства. Происходит серьезное ущемление религиозных прав шиитов. Разрушены или серьезно повреждены более 40 мечетей или объектов культа. А это еще больше разозлило шиитов, сделав примирение с ними маловероятным. Понимая это, руководство Бахрейна пошло на совершенно беспрецедентный шаг, начав негласную кампанию натурализации суннитов из других стран Персидско-

го залива с предоставлением им подданства страны. Понятно, что расчет сделан на будущие выборы, так как другими способами изменить серьезным образом демографический баланс в пользу суннитов представляется маловероятным. Но, как бы там ни было, реальность такова, что Бахрейн, рано или поздно станет вторым арабским государством (после Ирака), где к власти придут арабы-шииты, т.к. они составляют 70% населения этой страны.

В Катаре почти не осталось ни одной шиитской мечети

Внешне «шиитский вопрос» не значителен во внутривосточной повестке Катара, где официально чуть ли не все население эмирата — сунниты и ваххабиты. На самом деле доля шиитов там тоже высока — 15–20%. В основном, это те арабы, которые в свое время приехали сюда из Басры и других районов южного Ирака, а также из Бахрейна и Восточной провинции Саудовской Аравии. Есть также выходцы из Ирана, главным образом из его арабоязычной провинции Хузистан. Они осели в Катаре еще во времена Османского владычества и давно стали коренными жителями эмирата. Но правящий клан Аль-Тани видит в них скрытую угрозу, в том числе возможность их использования Тегераном в качестве «пятой колонны». Поэтому дорога в политику им заказана, равно как и карьера на госслужбе и в силовых структурах. Правда, катарские шииты добились существенных позиций в торговом секторе, финансах и подрядном бизнесе. Наиболее видный из них — Фардан, является миллиардером и имеет многопрофильный бизнес от строительства до банков. Однако шиитских мечетей в Катаре практически уже не осталось, а многие местные шииты из опасений преследований по религиозному признаку выдают себя за суннитов.

Поэтому, разыгрывая карту «шиитского фактора» как некое иранское вмешательство во внутренние дела суннитских монархий, государства ССАГПЗ во главе с Саудовской Аравией сильно рискуют в действительности поднять бурю «шиитской весны» у самих себя. Только стоять за этим будет вовсе не Тегеран, а собственное арабское население шиитского вероисповедания, подвергаемое дискриминации и угнетению. И тогда вполне возможно, что Персидский залив превратится во «внутреннее шиитское море», где Ирану и Ираку будет принадлежать роль естественных лидеров, учитывая их военно-политический и экономический потенциал, а также численность их населения.

Самое удивительное и самое циничное заключается в том, что ни США, ни ЕС, ни многочисленные западные правозащитные организации в упор не хотят замечать весь этот кошмар с нарушениями прав человека и свободы слова в арабских монархиях, игнорируют унижительную дискриминацию шиитов в арабских странах Персидского залива. И понятно, откуда такой цинизм и такая чудовищная политика двойных стандартов — из-за банальной зависимости Запада от поставок нефти и газа из стран ССАГПЗ. Ведь если начать их критику, то одряхлевшие правящие династии могут и наказать, снизив объемы поставок энергоресурсов. Где уж тут до прав человека!

Владимир Евсеев

Роль Европы в разрешении иранской проблемы

Начиная с 2003 г. иранская ядерная проблема постоянно привлекает внимание международного сообщества. По сути, она является наиболее серьезным вызовом для глобального режима, основанного на выполнении требований Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В решение этой проблемы активно вовлечены

Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и СБ ООН. Процесс взаимоотношений этих организаций с Исламской Республикой Иран (ИРИ) шел достаточно противоречиво. После относительных успехов 2003–2004 гг. наступил период затяжного кризиса. В результате СБ ООН принял по иранской ядерной проблеме шесть резолюций, четыре из которых ввели против ИРИ политические и финансово-экономические санкции. Аналогичные действия были предприняты на односторонней и многосторонней основе. Как следствие, Иран оказался в серьезной политической и экономической изоляции, но тем не менее, это не привело к разрешению ядерного кризиса.

Европейские государства практически сразу оказались втянутыми в решение иранской ядерной проблемы. Поначалу «большой тройке» Европейского союза (ЕС), включающей Великобританию, Францию и Германию, удалось добиться существенного прогресса. Они убедили Тегеран в необходимости полноценного сотрудничества с МАГАТЭ, подписании Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий и выполнении его требований до завершения процесса ратификации, а также приостановки всех работ по обогащению урана, регенерации облученного (отработанного) ядерного топлива и выделению плутония. В обмен на это ЕС предложил Ирану широкомасштабное экономическое сотрудничество.

Переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС шел крайне сложно и медленно. Тем не менее, в сентябре 2004 г. под контроль МАГАТЭ был поставлен завод по конверсии урана в г. Исфахане, а в ноябре того же года между Ираном и ЕС были подписаны так называемые Парижские соглашения о создании мер доверия в отношении мирной направленности иранской ядерной программы. Это стало кульминацией успехов Европейского союза, за которой последовали продолжительные и бесплодные попытки «большой тройки» ЕС остановить эскалацию ядерного кризиса. Одна из причин этого состояла в том, что США тогда не были готовы к многостороннему обсуждению с Тегераном ядерной проблемы. С другой стороны, приход к власти

в 2005 г. в ИРИ неоконсерватора Махмуда Ахмадинежада сделал иранскую позицию излишне жесткой.

В результате возникла тупиковая ситуация — с одной стороны, Ирану делались, с точки зрения Тегерана, заведомо не приемлемые предложения, на которые он никак не мог реагировать позитивно, а с другой — он предлагал свои, не всегда приемлемые для Запада пути решения проблемы. После этого в отношении ИРИ принимались санкции со стороны Совета Безопасности ООН, и все продолжалось сначала. И даже изменение формата переговоров вначале на шестисторонний (постоянные члены СБ ООН и Германия), а затем на семисторонний с участием ИРИ не позволило принципиально изменить ситуацию ввиду нежелания как Тегерана, так и Запада идти на компромисс.

В отличие от США, отдельные европейские государства до недавнего времени зависели от поставок иранской нефти и имели с ИРИ существенный торговый оборот. Это в течение длительного времени удерживало ЕС от принятия в отношении Тегерана серьезных мер. Однако по мере углубления иранского ядерного кризиса возникла реальная угроза перекрытия Ормузского пролива, по которому осуществляются поставки 20% мировых перевозок (40% морских перевозок) нефти и значительных объемов сжиженного природного газа. Учитывая это, в июле 2010 г. ЕС впервые ввел, а в октябре того же года значительно ужесточил против ИРИ политические и финансово-экономические санкции, далеко выходящие за пределы последней резолюции СБ ООН. По мере их реализации, а также введения подобных чрезмерно жестких санкций со стороны США, Канады и некоторых других государств не только значительно сократился экспорт иранской нефти, но и оказался практически заблокированным и банковский сектор ИРИ, что крайне затруднило для страны ведение торговых отношений и получение иностранных инвестиций.

Все это привело к существенному снижению торгово-экономических показателей и, как следствие, к падению жизненного уровня населения. В 2013 г. на президентских выборах в Иране в первом туре победил умеренный консерватор Хасана Роухани. Это произошло потому, что иранцы поддержали предложенный им курс на существенное улучшение экономического положения страны путем нормализации отношений с Западом на основе взаимоприемлемого компромисса, в том числе в ядерной сфере. Результатом нового курса ИРИ стало то, что наметился явный прогресс в сфере улучшения американо-иранских отношений. Логическим продолжением этого процесса стало то, что 24 ноября 2013 г. в Женеве между представителями ИРИ и «шестерки» международных посредников по урегулированию иранской ядерной проблемы было подписано промежуточное соглашение в виде «Совместного плана действий», которое определило как первоочередные, так и заключительные шаги сторон по разрешению рассматриваемой проблемы.

Принятие «Совместного плана действий» не привело к стратегическому прорыву в разрешении иранского ядерного кризиса. Это больше тактический успех, так как указанный документ не основывается на российском принципе «поэтапности и взаимности» ввиду, например, отсутствия соответствующей «дорожной карты». По сути он является ультиматумом, который Ираном был принят. Причина такого шага состояла в том, что необходимо было ослабить введенные Западом чрезвычайно болезненные финансово-экономиче-

ские санкции. В результате Тегеран принял жесткие требования, особенно в отношении мониторинга иранских ядерных объектов, но смог отстоять свое законное право на обогащение урана как государство — член ДНЯО.

Следует заметить, что при подготовке «Совместного плана действий» Европа либо проявила излишнюю пассивность, либо в лице Франции препятствовала его подписанию. Именно поэтому соглашение по ядерной проблеме больше носит двусторонний (американо-иранский) при российском посредничестве характер. В таких условиях было невозможно пойти на смягчение в отношении Ирана наиболее жестких финансово-экономических санкций в области экспорта иранской нефти и природного газа, банковских услуг и страхования морских перевозок грузов, что полностью соответствует интересам европейских государств.

12 декабря прошлого года ситуация вокруг иранской ядерной проблемы вновь ухудшилась. Тогда Государственный департамент и Министерство финансов США приняли решение о расширении американских санкционных списков за счет 19 физических и юридических лиц якобы связанных с ядерной программой ИРИ. Иранская сторона это восприняла как нарушение ранее подписанных договоренностей, поэтому отказалась обсуждать механизм реализации «Совместного плана действий». Вскоре Сенат США приступил к обсуждению законопроекта о введении против Тегерана новых финансово-экономических санкций в случае неудачного завершения переговоров по иранской ядерной программе. В качестве ответной меры депутаты Меджлиса (парламента) ИРИ потребовали от органов исполнительной власти повысить степень обогащения урана до 60% (по урану-235) с целью производства ядерного топлива для атомных подводных лодок. А министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф заявил, что Тегеран начнет претворять в жизнь Женевские договоренности не раньше, чем Запад предпримет шаги по ослаблению собственных (односторонних) санкций против ИРИ. Основная вина за новый виток напряженности вокруг переговоров с Ираном полностью лежит на США, которые оказались чрезмерно подверженными влиянию со стороны региональных соперников ИРИ — Израиля и Саудовской Аравии.

9 января сего года Иран и представители «Шестерки», группы международных переговорщиков, достигли соглашения по реализации первого этапа плана совместных действий, к которым стороны пришли 24 ноября в Женеве. Фактически, без этих договоренностей невозможно приступить к выполнению «Совместного плана действий» Ирана и «Шестерки» посредников, который начнет выполняться уже с 20 января. И в этих непростых условиях, чрезвычайно повышается роль европейских государств, особенно вовлеченных в переговорный процесс. Они обязаны проявить инициативу и не только потребовать реализации первоочередных шагов по разрешению иранской ядерной проблемы, но и настоять на необходимости дальнейшего смягчения и снятия финансово-экономических санкций (коллективных и односторонних) с целью существенного повышения уровня региональной безопасности и восстановления прерванных отношений с Тегераном, практически во всех сферах.

Вячеслав Михайлов

Армения — Иран: Курс на стратегическое партнерство

Отношения Армении и Ирана исторически тесно переплетены. Это были всегда больше, чем только связи двух соседних народов и их государств. Национальные идеи армян и иранцев, взгляды на свое место в культурно-историческом и геополитическом плане имеют много общего. Богатая и яркая история взаимоотношений этих народов в наши дни достигла своего пика сближения, заложена серьезная основа для развития стратегических отношений между двумя государствами.

Краткий исторический экскурс

У живущих тысячелетиями рядом друг с другом родственных народов единые арийские корни, схожие исторические судьбы. В прошлом и настоящем армян и иранцев отчетливо представлена борьба за свою самобытность. Современные ирановеды отмечают, что армяне занимают заметное место в иранской национальной идее. Узлы государств также имели тесный характер. При всем этом, история взаимоотношений Армении и Ирана (Персии) знала периоды антагонизма. С особенной силой в первые века нашей эры это проявилось в различии выбранных вероисповеданий. Но данный антагонизм никогда не приобретал необратимые формы, как это имело место, например, в армяно-турецких отношениях. Напротив, персы и их исторические преемники иранцы всегда стремились к добрососедству с армянами. Особенно на одном из наиболее сложных этапов армянской истории, когда древнейший народ Передней Азии подвергся геноциду на территории Османской Турции. Вот основные вехи отношений Армении и Ирана в исторической ретроспективе. Время образования персидской державы и армянского государства приходится на VI век до н.э. На всем протяжении древних веков часть исторической Армении находилась под последовательным влиянием ахеменидской, затем парфянской и сасанидской Персии. В период парфянского царства между правителями Армении и Персии установились династические связи. И там, и тут правили Аршакиды. С восшествием на персидский престол Сасанидов отношения двух государств заметно обострились. Именно на данный отрезок исторического времени приходится утрата Армянской государственности: ее раздел в 387 году между Византийской империей и Персией. Восточная часть Армении вначале оставалась под номинальной властью местной династии Аршакидов, а в 428 году была низведена до од-

ной из персидских провинций. После Аварайрской битвы армян и персов в 451 году, армяне не восстановили свою государственность, но добились признания свободы вероисповедания христианства в Восточной Армении.

Последовавшие века принесли двум народам новые испытания. Арабские и монгольские нашествия, рост могущества Византийской империи совпали с распространением в Иране ислама, а в пределах исторической Армении — с образованием нескольких царств. В начале XVI века в Персии зародилась новая правящая династия — Сефевиды. Ее главным противником на обширном пространстве Малой Азии, Ближнего и Среднего Востока стала Османская империя. Срединное положение Армении между двумя противоборствующими центрами силы имело самые негативные последствия для восстановления армянской государственности. В ходе нескольких войн между персами и турками армянский народ подвергся лишениям, переселению вглубь Персидской державы. В правление шаха Аббаса I (1587–1629 гг.) десятки тысяч армян из областей Малой Азии, Закавказья и северных частей Персии были выселены со своих мест проживания. Многие из них обрели новую родину, в частности, в районе Исфахана (столица сефевидской Персии). Именно с этого времени берет начало формирование в Иране многочисленной армянской общины. Следует отметить, что при Сефевидах экономическое могущество Персии строилось во многом на торговле шелком, и армяне занимали здесь исключительно важное место (в их руках находились торговые компании, наладившие связь с Европой).

С конца XVII века в регионе противостояния Турции и Ирана появляется новая сила. С петровских времен Россия вступает в череду многочисленных военных конфликтов за свое место на Кавказе, на пространстве между Черным и Каспийским морями. В результате русско-персидских войн к России по Гюлистанскому договору 1813 года отошли Бакинское, Гянджинское, Дербентское, Карабахское, Кубинское, Шекинское, Ширванское, а также часть Талышского ханства. По итогам последней войны России и Персии в 1828 году был заключен Туркманчайский мирный договор. Он закрепил за Россией Эриванское и Нахичеванское ханства.

С попаданием армян под влияние Российской империи связи двух народов не прекратились. Связующим их звеном стала армянская община Ирана. Она пользовалась уважением и во времена прозападного шахского режима Ирана, и после Исламской революции 1979 года. Ныне ее численность составляет до 80 тысяч человек. Представители армянской общины Ирана заседают в парламенте страны. Особое уважение к армянам преломляется через бережное отношение иранских властей к памятникам культурно-исторического присутствия этого народа в Исламской республике. Армяне Ирана весомо представлены в экономической сфере страны, многие из них являются известными деятелями искусства и спорта. В Иране действует организация «Союз промышленников — армян Ирана», которая играет большую роль в поддержке малого и среднего бизнеса.

Армяно-иранские отношения на современном этапе

Современный период армяно-иранских отношений характеризуется усилением взаимного тяготения соседних народов и их политических руководств. Иран одним из первых признал государственную независимость Армении

в декабре 1991 года. Одной декларацией признания Иран не ограничился. Он незамедлительно приступил к построению тесных политических и экономических связей с новым соседним государством. Важнейшей проверкой на прочность зарождавшихся межгосударственных связей стала военная фаза Карабахского конфликта. В период 1992–1994 годов Иран занял максимально сбалансированную позицию в противостоянии Армении и Азербайджана. Хотя миротворческие усилия Тегерана весной 1992 года не увенчались успехом, иранская сторона продолжила присутствовать в числе главных внешних сил, заинтересованных в достижении сторонами конфликта политического урегулирования на долгосрочной основе.

С момента заключения перемирия в зоне Карабахского конфликта (май 1994 года) Иран стал основным проводником идеи достижения урегулирования исключительно силами региональных государств. По формальным причинам Иран не мог стать членом Минской группы ОБСЕ, созданной в качестве международного механизма для разрешения конфликта. Исламская республика не состоит членом ОБСЕ. Но от этого реальный вес Ирана, влияющий на Карабахский конфликт, нисколько не теряет в своей важности. Один лишь факт непосредственного соседства Ирана со всеми тремя сторонами конфликта (Армения, Нагорный Карабах, Азербайджан) достаточен для понимания незаменимости его роли по многим вопросам, в том числе и по карабахской проблематике.

Армения признательна Ирану за изначально взятый им курс на сбалансированность подходов вокруг конфликта в Нагорном Карабахе. Вклад Ирана в поддержание регионального баланса выходит далеко за рамки военного противостояния Армении и Азербайджана. Взвешенная позиция высшего руководства Ирана, ни разу с 1992 года не позволившему Армении усомниться в дружественном к себе расположении, нелегко далась Исламской республике. Общественное мнение Ирана в середине 1990-х годов было в большей степени проазербайджанским в том, что касалось Карабахского конфликта. Но иранская политическая элита нашла ту «золотую середину», позволившую ей до настоящего времени пребывать в роли равноудаленной стороны с собственным взглядом на регион и отношения с Арменией и Азербайджаном. Вклад Ирана в баланс сил и интересов, который и сохраняет нынешний статус-кво в зоне Карабахского конфликта в устойчивом состоянии, всегда отличался паритетностью в отношениях с Арменией и Азербайджаном. Держать паритет в связях с двумя конфликтующими соседями — сверхсложная задача, зачастую непосильная многим региональным и глобальным державам. Впрочем, Иран смог добиться в этом вопросе значительных успехов.

Армения, в свою очередь, полностью поддерживает мирную ядерную программу Ирана, категорически выступает против любых санкций по отношению к этой стране. Более того, по мнению Еревана введенные международные и односторонние санкции играют деструктивную роль в деле поддержания мира и стабильности на Южном Кавказе, самым негативным образом сказываются на развитии армяно-иранских отношений, особенно в торгово-экономической сфере. Ереван категорически против совершенно избыточного азербайджано-израильского сотрудничества в военно-технической сфере, т.к. считает, что оно имеет ярко выраженную антииранскую и антиармянскую направленность. Ереван выступает за решение существую-

щих вопросов в связи с ядерной программой Ирана исключительно политико-дипломатическими средствами. Именно поэтому Армения с большим воодушевлением встретила наметившееся ирано-американское и ирано-европейское сближение.

Экономика прежде всего

Иран делает основную ставку на развитие экономических связей с Арменией, не упуская из виду приоритет углубления политических контактов, доведения их до уровня двусторонней доверительности. Экономический бум в армяно-иранских отношениях стартовал с середины 2000-х годов. Основной толчок ему был дан серией совместных энергетических проектов. С первых лет обретения независимости Армения остро нуждалась в обеспечении энергетической безопасности. Помимо России, руку помощи ей в этом вопросе протянул и Иран. Ереван и Тегеран приступили к реализации совместных энергетических проектов, число которых за последние годы значительно пополнилось: строительство ГЭС на реке Аракс, третьей высоковольтной линии электропередачи Иран — Армения, нефтепродуктопровода Иран — Армения.

Отношения Армении и Ирана опираются на разветвленную договорно-правовую базу. Достаточно активно работает армяно-иранская совместная межправительственная комиссия. После избрания в Иране нового президента, формирования в стране кабинета министров под руководством Хасана Роухани, практически одним из первых Армению посетила представительная иранская делегация во главе с министром энергетики Хамидом Читчияном. Был обсужден ход реализации совместных энергетических проектов, в частности, строительства третьей высоковольтной линии электропередачи Иран — Армения и Мегринской ГЭС.

Товарооборот между двумя государствами за 2013 г. перешел рубеж в \$380 млн. 90% из этого объема приходится на иранский экспорт в Армению. За 2012 год этот товарооборот составлял \$317,7 млн. (5,6% внешнеторгового оборота Армении). Согласно данным Организации по развитию торговли Ирана, Армения относится к числу стран, с которыми иранская сторона готова строить внешнеторговые связи в приоритетном порядке.

Политические контакты на высшем и высоком уровнях армяно-иранских отношений с середины «нулевых» годов также демонстрировали уверенный рост. В сентябре 2004 года республику посетил президент Ирана Сейед Мохаммад Хатами. Особую значимость для армянской стороны данный визит получил после посещения Хатами мемориала памяти жертвам Геноцида армян. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад трижды побывал с визитом в Армении (март и октябрь 2007-го, декабрь 2011-го). Их армянские коллеги не отставали от интенсивного графика общения двух стран на высшем уровне. Президенты Армении Левон Тер-Петросян, Роберт Кочарян и Серж Саргсян были и остаются частыми гостями Ирана. В августе 2013 года, для участия в церемонии инаугурации президента Хасана Роухани с рабочим визитом Иран посетил армянский лидер Серж Саргсян. Есть основания считать, что визит действующего иранского президента в Армению состоится уже в 2014 году.

Азербайджанский и российский факторы влияния

На общем позитивном фоне определенные проблемы между Арменией и Ираном все же присутствуют. Их можно разделить на три условных блока. К первому можно отнести вопросы, остроту которым придает азербайджанский фактор влияния на развитие армяно-иранских отношений. Второй блок определяется доминирующими позициями России в армянской экономике. И, наконец, третий блок включает вопросы двустороннего свойства.

Четкое следование Ираном линии паритетности в отношениях с Арменией и Азербайджаном не означает полное исключение проблем на этом пути. Азербайджанский фактор влияния на армяно-иранские отношения, прежде всего, выражается в более широких экономических перспективах для Ирана при развитии связей с этой прикаспийской республикой. С Азербайджаном у Ирана намного более расширенный интерес экономического сотрудничества. Хотя бы в виду того, что Азербайджан отличается нефтегазовым потенциалом, в разработке которого, наряду с западными компаниями, участвуют и иранские хозяйствующие субъекты. В числе концессионеров газового проекта «Шах-Дениз» с долей в 10% присутствует иранская компания Naftiran Intertrade (NICO). Известно, что на предыдущих этапах, принимая односторонние санкции в отношении Ирана, западные страны при этом вносили специальные оговорки в тексты своих резолюций. Целью данных оговорок было выведение предназначенного для поставок с месторождения Азербайджана «Шах-Дениз» в Европу и Турцию газа из-под режима санкций. Можно также вспомнить сообщения мировых СМИ об имевших место консультациях между США и ЕС для того, чтобы санкции, применяемые в отношении иранских компаний, не распространялись на проект «Шах-Дениз». Об этом, в частности, в январе 2012 года писал Wall Street Journal. В условиях разворачивающейся «оттепели» в отношениях Ирана с Западом повышаются перспективы участия иранского капитала в разработке азербайджанских месторождений.

В транспортной сфере отношений Ирана и Азербайджана наблюдается бульшая определенность, если сравнивать со схожими проектами между Арменией и Ираном, о которых будет сказано ниже. Вопрос строительства железнодорожной магистрали Казвин — Решт — Астара в последнее время демонстрирует новый прилив активности. Интересам Ирана также отвечает строительство к югу от Баку нового морского торгового порта (в поселке Алят, в 65 км от столицы Азербайджана). С учетом собственной программы повышения грузопотока через иранские порты на Каспии, перед Тегераном открываются новые возможности в торговле с северным соседом. А также появляются дополнительные опции в выходе на внешние рынки с использованием транспортной инфраструктуры Азербайджана. Вместе с тем, потенциал ирано-азербайджанских связей остается нераскрытым. Одна из главных причин — неустойчивый политический климат в отношениях Тегерана и Баку. Показательно, что если в 2007 году объем торгово-экономического оборота между Ираном и Азербайджаном составлял \$539 млн, то в 2012 году он претерпел двукратный спад — до \$263 млн.

Российский фактор на отдельных этапах армяно-иранских отношений после 1990 года оказывал на них значительное влияние. Тесные связи стратегического партнерства между Россией и Арменией, состояние двух стран в одном военно-политическом блоке придавали Ирану дополнительную

уверенность в таком важном для него вопросе, как сдерживание НАТО от приближения к северным границам Исламской республики. 102-я российская военная база в Армении продолжает свое функционирование на новой договорной основе, закреплённой Москвой и Ереваном в августе 2010 года. Нарастающее из года в год военно-техническое сотрудничество России с Арменией также представляет для Ирана большой интерес. Создание в соседней стране сертифицированных центров и совместных предприятий по ремонту и техническому обслуживанию вооружений и военной техники российского производства может сыграть свою роль в развитии военно-технических связей между Россией и Ираном.

Под экономическим углом зрения на связи в треугольнике «Иран — Армения — Россия» в прошлые годы наружу выступали определенные проблемы. Среди них выделялся вопрос обеспечения Армении альтернативным источником природного газа. В условиях продолжающейся блокады Армении со стороны Азербайджана и закрытости сухопутного участка армяно-турецкой границы такой альтернативой российскому «голубому топливу» мог быть только иранский газ. Однако, стартовавший в марте 2007 года проект поставок в Армению газа из Ирана до сих пор не вышел за рамки бартерной схемы обмена: из расчета 1 кубометра иранского природного газа взамен 3 кВт/ч армянской электроэнергии. Весь иранский газ по связавшему две страны трубопроводу поступает на Ереванскую ТЭС, на которой вырабатывается электроэнергия для нужд южного соседа. В 2012 году в Армению поступило 488,3 млн куб. м иранского газа.

Следует отметить, что решающую роль в усеченности армяно-иранского сотрудничества по газу сыграли доминирующие позиции российского «Газпрома» на внутреннем рынке Армении. Россия весьма прохладно отнеслась к возможности некой конкуренции себе со стороны иранских партнеров. После доведения «Газпромом» своей доли во владении армянской газотранспортной системы до 100% (это произошло по итогам недавнего визита президента России в республику 2 декабря 2013 года) перспективы расширения сотрудничества Армении и Ирана по газу еще больше сузились. Но и в этих стесненных рамках Ереван и Тегеран находят возможности для планирования новых и расширения старых проектов. Иранская сторона выразила готовность поставлять в Армению большой объем газа в обмен на соответствующий рост поставок электроэнергии с армянских электростанций.

Железная дорога: больше вопросов, чем ответов

Заслуживают рассмотрения отдельные проблемы в армяно-иранских отношениях, для решения которых необходимы совместные усилия Тегерана и Еревана. Здесь стоит обратить внимание на остающуюся пока лишь проектом железную дорогу Иран — Армения. Ее строительство требует больших инвестиций, обеспечить которые своими силами Армении крайне затруднительно. Есть надежды на привлечение кредитных средств Китая и Азиатского банка развития. Россия заняла сдержанную позицию в отношении этого проекта, объясняя свой подход большими сомнениями в его окупаемости в виду внушительных затрат на строительство магистрали и малые объемы предполагаемого грузопотока по ней. Иран гарантирует постройку только своей части дороги — 60-километровый отрезок до границы с Арменией.

Перспективы роста

По всей видимости, отношения Армении и Ирана ждут светлое будущее. Главное, рационально распорядиться имеющимся потенциалом роста политических связей и экономического сотрудничества, направить их во взаимовыгодное русло. Одним из таких направлений, востребованность которого будет только расти с ирано-американским и ирано-западным сближением, может стать привлечение армянского лобби в США, Европе и в других странах мира к продвижению совместных проектов Армении и Ирана. К примеру, ныне армянское лобби на Капитолийском холме 95% своей энергии и ресурсов уделяет вопросу признания Геноцида армян. Остаточные 5% оно посвящает продвижению в вашингтонских коридорах власти армянской позиции по Карабахскому конфликту. Объективный взгляд указывает, что армянское лобби в США не вовлечено в практику отстаивания армяно-иранского партнерства. Между тем, их роль в качестве связующего звена между армянской диаспорой Ирана и группой американских конгрессменов, поддерживающих самые теплые отношения с Арменией, смотрится весьма востребованной в нынешней ситуации. Мог бы сформироваться интересный канал связи и доверительного обмена мнениями.

Армяно-иранские отношения прошли проверку временем, показали свою устойчивость и стремление к развитию за последние 20 лет. На пути партнерства Армении и Ирана было много светлых страниц, но, периодически вставали объективные трудности. Одними из наиболее сложных в этом отношении стали годы войны в зоне Карабахского конфликта. Армения и Иран довольно успешно преодолели сложные этапы становления устойчивых межгосударственных связей. Впереди огромная работа по укреплению политического доверия и создания качественно новой экономической базы в двусторонних отношениях. И нет ни малейшего сомнения в том, что работа на этих направлениях будет вестись сторонами искренне и с полной отдачей, так как расширение и углубление отношений отвечает интересам обоих государств.

Владимир Ефимов

Борьба за лидерство на Ближнем Востоке входит в решающую фазу

После прихода к власти президента Хасана Роухани все больше ближневосточных аналитиков обращают внимание на возрастающий шиитский фактор на Ближнем и Среднем Востоке. И все чаще звучат опасения на Западе и в Израиле, что «шиитский полумесяц» превратится в полную луну, а Запад потеряет своих бывших союзников на Ближнем Востоке. Действительно, сейчас в этом регионе происходят события исторического масштаба. Причем все более очевидно, что США и их союзники вряд ли выйдут победителями из этого. Например, независимо от того, какое правительство в конечном счете придет к власти в Египте, его стратегический союз с Западом будет размываться. И как бы ни напрягалась Саудовская Аравия и ее аравийские вассалы против Сирии и Ирака, они все равно проигрывают, а в конечном счете их сметут собственные революции. А в складывающихся условиях центр силы на Ближнем и Среднем Востоке все больше перемещается в сторону Тегерана. Но впереди еще предстоит решающая схватка между Ираном и Саудовской Аравией.

А все началось с американской оккупации Ирака в 2003 году, что в итоге привело к тому, что впервые в истории арабских стран власть в одной из них, причем одной из самых влиятельных, перешла к шиитам. Уже в 2004 году король Иордании Абдалла II озвучил тезис об опасности для арабских государств образования «шиитского полумесяца» или, как он выразился, «шиитской дуги», от Ирана через Ирак к Сирии и Ливану. Он исходил не только из того, что произошло в Багдаде, попавшем благодаря неуклюжим действиям США в орбиту влияния Тегерана, но и из того неоспоримого факта, что на территории многих арабских государств — преимущественно суннитских и ваххабитских — проживает шиитское меньшинство, которое рассматривается местными правителями в качестве «пятой колонны» и «предателей», находящихся в услужении Ирана.

С момента публикаций Wikileaks об американской политике на Ближнем Востоке стало ясно, что страх перед реальной возможностью формирования «шиитской дуги» и дальнейшего развития иранской ядерной программы стал основным опасением правящих монархических и прозападных режимов на Ближнем Востоке. Еще в 2005 году, как только Махмуд Ахмадинежад стал президентом ИРИ, представители военных кругов Объединенных

Арабских Эмиратов высказали предостережение о том, что иранский лидер является «сумасшедшим». Наследный принц Абу-Даби Мухаммед бен Заид Аль-Нахайян описал возможность скорой безъядерной войны с Ираном, как «наиболее вразумительную альтернативу в сравнении с далеко идущими последствиями появления у Ирана ядерного оружия». Король Саудовской Аравии Абдалла несколько раз призывал к нападению на Иран, чтобы «отрезать голову змее».

Сегодня же противостояние между США и их арабскими союзниками, с одной стороны, и Ираном и его сторонниками — с другой можно найти во многих локальных конфликтах региона. В Сирии, Ираке, Ливане, Йемене, Палестине политические силы, будь то суннитские или шиитские, консолидируются вокруг двух полюсов, центрами которых являются соответственно Вашингтон и Тегеран.

Египет, как самое густонаселенное и мощное в военном отношении арабское государство, в свое время играл в этом противостоянии ключевую роль. Поэтому нынешнее ослабление Каира в результате «арабских революций» означает уменьшение влияния Запада в регионе. Не случайно даже премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху сразу же после начала волнений в Египте выступил в поддержку президента Египта. Ведь даже небольшие изменения политического курса Каира могли бы иметь огромные последствия для всего региона. Так и случилось. Причем для этого ему не нужно было заключать союз с Тегераном. Было достаточно того, чтобы Египет перестал действовать в интересах Вашингтона. При этом в Ираке, Турции, Ливане, Палестине союзники США и Запада тоже теряют свои позиции. Если ситуация будет продолжать складываться подобным образом и ключевые государства Ближнего Востока — союзники Ирана или просто антиамериканские силы станут доминировать в регионе, то действительно «шиитский полумесяц» превратится в полную луну, а Вашингтон потерпит в регионе полное фиаско.

Сейчас уже мало кто отрицает, что шиитско-суннитское противостояние, разворачивающееся на протяжении последних тридцати лет в ближневосточном регионе, выходит за пределы собственно конфессионального конфликта и приобретает все более ярко выраженный геополитический аспект. Исламская революция 1979 года в Иране ознаменовала начало борьбы двух направлений: суннитского исламского фундаментализма и шиитской концепции справедливого переустройства общества. Суннитские фундаменталисты, подпитывавшиеся идеологически и финансово Саудовской Аравией, стремились не к тому, чтобы коренным образом поменять прежнюю систему, а исламизировать становившийся светским арабский мир на основе норм шариата. Шиитский путь, предложенный Хомейни, напротив, был направлен на то, чтобы радикально переустроить иранское общество, сделав его социально справедливым. Это противоречило интересам правящей династии Аль-Саудов, что и создало почву для радикального раскола между реакционно-консервативным суннитским фундаментализмом, полюсом которого стала Саудовская Аравия, и революционным шиитским течением, полюсом которого стал Иран.

Значительную роль в обострении саудовско-иранских противоречий сыграл и фактор внутривосточной стабильности в странах Персидского залива. У саудовских правителей появились опасения, что революционная волна

из Ирана распространится среди шиитских общин стран Персидского залива и поставит под сомнение существование консервативных монархий в регионе. Эти опасения подкреплялись статистикой, так как шииты составляют в Ираке 65% населения, на Бахрейне — 75%, в Кувейте — 30%, в Дубаи — 30%, в Абу-Даби — 20%. Проблемным было и остается положение шиитского меньшинства в самой Саудовской Аравии. Оно составляет до 15% населения страны. Шииты населяют как раз те районы, где сосредоточена основная часть саудовских нефтяных месторождений. При этом они подвергаются откровенной дискриминации. Среди министров саудовского правительства нет ни одного шиита. Последователи этой конфессии не представлены на командных должностях в вооруженных силах и саудовских спецслужбах. В городах Восточной провинции нет ни одного шиита на посту мэра или начальника районной полиции. На страхи саудовского руководства наложились и то, что высшее духовенство Ирана поставило под сомнение статус короля Саудовской Аравии как хранителя мусульманских святынь, заявив, что священные города Мекка и Медина должны принадлежать всем мусульманам.

В этих условиях для нейтрализации Ирана был использован светский баасистский режим Саддама Хусейна. Иракское правительство, воспользовавшись сложной послереволюционной внутривнутриполитической ситуацией в Иране и временным ослаблением иранских вооруженных сил, в сентябре 1980 г. развязало агрессию против Исламской Республики. Ее целью был «упреждающий удар» по новому исламистскому режиму в Тегеране, нанесенный из опасения, что новое иранское руководство станет поощрять исламскую революцию среди иракских шиитов. При этом иракское руководство пользовалось значительными финансовыми ресурсами консервативных монархий Персидского Залива. Например, только Саудовской Аравией Ираку была оказана помощь в объеме 30 миллиардов долларов.

Ситуация в суннито-шиитском противостоянии, смягчившаяся после разгрома Багдада в войне 1991 г., случившегося из-за иракской оккупации Кувейта, вновь обострилась после американской агрессии в Ираке в 2003 году. В результате первых парламентских выборов, проведенных демократическим путем в Ираке в 2005 году, победу одержали шиитские религиозные партии, связанные с Ираном. Выборы 2010 года закрепили главенство шиитов в политической системе Ирака. Конечно же, иракские шиитские политические партии и группировки далеко не во всем следуют указаниям Тегерана. Так, например, Верховный религиозный лидер шиитов Ирака аятолла Систани с самого начала отверг иранский принцип организации политической системы, а политизированные иракские шииты воспринимают Иран в лучшем случае как старшего брата, но не в качестве «отца», а уж тем более хозяина. Несмотря на это, сильное иранское политическое влияние в сегодняшнем Ираке является неоспоримым фактором.

Надо отметить, что руководство США с самого начала иракской операции совершило стратегическую ошибку (с точки зрения долгосрочных интересов США). Американцы вовремя не спрогнозировали усиление иранского фактора в регионе после падения светского баасистского режима Саддама Хусейна. Для того, чтобы сохранять контроль над шиитским фактором, им необходимо было либо сохранять саддамовский Ирак, который пусть в слабом и урезанном виде представлял собой барьер на пути иранского вли-

яния, либо с самого начала договариваться с Тегераном о разграничении сфер влияния в этой стране.

При этом усиление иранского влияния в Ираке сопровождалось интенсификацией партнерских связей Исламской Республики с Сирией. Альянс Дамаска и Тегерана, несмотря на близость алавитского вероучения к шиизму, был продиктован не религиозной солидарностью, а требованиями геополитической целесообразности. Для Тегерана он был путем распространения иранского влияния в арабском мире и возможностью создания тылового плацдарма для проиранского шиитского движения «Хизбалла» в Ливане. Стремление Дамаска установить союзные отношения с Ираном были продиктованы тремя основными факторами. Во-первых, в условиях жесткого противостояния режима Асада суннитским исламским фундаменталистам внутри страны для баасистов было необходимо заручиться поддержкой шиитского режима в Тегеране, чтобы избежать обвинения в отступничестве. Во-вторых, шиитское движение «Хизбалла» стало главным союзником Дамаска в деле сохранения господства над Ливаном. В-третьих, оба государства сближали враждебные отношения с саадамовским Ираком.

Таким образом, уже к 2005 году наметилась перспектива создания так называемой «шиитской дуги» в составе Ирана, Ирака, Сирии и Ливана. Первым этот термин озвучил король Иордании Абдалла II в интервью газете «Вашингтон пост». Он заявил тогда, что «складывающаяся геополитическая конфигурация дестабилизирует страны Персидского залива. Даже Саудовская Аравия не имеет от этого иммунитета», — отметил король. Представляется не случайным, что тезис о шиитской «угрозе» был озвучен главой государства, который является одним из наиболее последовательных союзников Вашингтона и консервативных монархий Персидского залива. Кроме того, король Абдалла является потомком рода Хашимитов из Мекки, претендуя таким образом на генетическое преемство лидера суннитской ортодоксии. В этой ситуации наибольшую угрозу своим интересам почувствовала Саудовская Аравия, столкнувшаяся с вызовом своему статусу лидера арабского мира и наиболее влиятельного игрока на арабской сцене. Ответом на этот вызов со стороны Саудовской Аравии стало провоцирование межконфессионального конфликта между суннитами и шиитами в Ираке с привлечением салафитских экстремистов из «Аль-Каиды». Вслед за этим в Ираке развернулся антишиитский террор, проводимый радикальными салафитскими организациями, включая «Аль-Каиду». Конечно, было бы опрометчиво утверждать, что деятельность «Аль-Каиды» напрямую контролируется или направляется саудовской элитой, но то, что вся деятельность, все операции «Аль-Каиды» полностью финансируются Саудовской Аравией, то что она пронизана агентурой саудовских спецслужб, часто использующих террористов для своих целей, не подлежит сомнению.

Другим ударом по усилению иранского влияния в регионе стали действия Саудовской Аравии и Катара по дестабилизации внутривосточной ситуации в Сирии. Правящие элиты консервативных монархий Персидского залива даже не скрывают, что с самого начала гражданской войны в САР они участвуют в финансировании и так называемой вооружении Сирийской свободной армии (ССА) и других вооруженных группировок оппозиции. Одним из основных факторов, побуждающих эти ваххабитские государства проводить подрывные акции против Сирии, является стремление разорвать

сирийско-иранский альянс. В Эр-Рияде даже был выдвинут тезис: «Ничто, кроме краха самой Исламской Республики не может ослабить Иран сильнее, чем потеря Сирии».

В этом вопросе позиции монархий Персидского залива во многом совпадают с интересами США в регионе. Учитывая то, что Саудовская Аравия продолжает оставаться основным партнером Вашингтона на Ближнем Востоке и американским военным плацдармом, американские политики крайне озабочены недопущением усиления шиитского фактора и иранского влияния в регионе. В США еще в 2010 году выразили опасение, что после вывода американских войск из Ирака Иран превратится из обычной страны в региональную сверхдержаву. Тогда же была предпринята попытка проанализировать причины ирано-сирийского стратегического партнерства и сделан вывод о том, что иранский исламский режим дал светскому сирийскому режиму иммунитет от шиитского фундаментализма в Ливане. Что еще важнее, пришли к выводу в США, он предоставил ему поддержку в его ливанских делах и защиту от возможных протестов суннитского большинства в самой Сирии. По мнению американцев, ирано-сирийский альянс приобрел долговременные, стабильные на обозримую перспективу очертания. Отсюда делается вывод о том, что в случае политического выживания Башара Асада Иран выиграет от этого больше всего. По прогнозам washingtonских аналитиков, если Ирак попадет под долговременное иранское влияние, а режим Башара Асада, поддержанный Ираном, выживет, это позволит Тегерану расширить сферу своего влияния, простираящуюся от западного Афганистана до побережья Средиземного моря (через Сирию и зону контроля «Хизбаллы»). А такая перспектива несет возможность развертывания иранских вооруженных сил в западном направлении и имеет далеко идущие последствия. По мнению американских экспертов, в таком случае иранская сфера влияния будет затрагивать северные границы Саудовской Аравии и Иордании и южные рубежи Турции. Иранская способность привести в этот регион значительные силы особенно увеличивает риски для Саудовской Аравии. Из этого, по убеждению Вашингтона, следует, что Соединенные Штаты, Саудовская Аравия, Катар, Турция и Израиль должны сделать все возможное для того, чтобы остановить Иран, предотвратить такое развитие событий.

Примерно так же думают и в Израиле, главным опасением которого является перспектива потери военно-стратегического превосходства на Ближнем Востоке. Обладание им ядерным оружием до сих пор служит сдерживающим фактором, предохраняющим региональных противников Израиля от решительных действий. В случае утраты Тель-Авивом ядерной монополии вполне возможна ситуация развязывания арабскими противниками полномасштабной войны против Израиля. Пока именно наличие ядерного оружия служит единственным сдерживающим фактором для Израиля от арабского нападения. Поскольку основным региональным противником Израиля является «Хизбалла», а ее стратегическим тылом служит Сирия, то существенный подрыв сирийской военной мощи был бы крайне важным для обеспечения безопасности Израиля. Поэтому ликвидация химического оружия в Сирии играет на руку прежде всего Израилю. При помощи американских угроз нанести удары по САР Тель-Авив стал главным победителем в военно-политическом блефе Вашингтона в конце сентября 2013 года. А «Хизбалла», лишенная сирийской «стратегической глубины», будет

вынуждена обороняться от своих многочисленных врагов в самом Ливане и не сможет представлять ощутимой угрозы для Израиля. В определенной степени такое развитие событий можно наблюдать в последнее время в Ливане, где внутренний конфликт между шиитами и политизированными суннитами все больше осложняет ситуацию «Хизбаллы» и ее союзников.

Последние тенденции развития ситуации на Ближнем Востоке позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, феномен «шиитского возрождения» способствовал усилению геополитического влияния Ирана в ближневосточном регионе, особенно в странах, где имеются значительные шиитские общины (Ирак, Ливан). Крах светского режима Саддама Хусейна в Ираке усилил позиции ИРИ и сформировал предпосылки для создания «шиитской дуги» в составе Ирана, Ирака, Сирии и Ливана.

Во-вторых, подобная перспектива вызвала резкое противодействие со стороны Саудовской Аравии и других консервативных монархий Персидского залива. При этом интересы данных государств по сдерживанию иранского влияния полностью совпадают с геополитическими проектами США. На сегодняшний день именно Саудовская Аравия, а не Израиль является главным стратегическим противником Ирана в регионе.

В-третьих, одной из главных попыток остановить усиление иранского влияния являются усилия Саудовской Аравии, Катара, США и их союзников по НАТО по свержению нынешнего сирийского режима. Ударной силой противостояния режиму Асада становятся при поддержке Эр-Рияда исламские радикалы из движения «Братья-мусульмане» и салафиты-такфиристы.

В-четвертых, если при поддержке России, Ирана, шиитских вооруженных формирований Ирака и «Хизбаллы» законные власти в Дамаске смогут подавить вооруженную оппозицию, то предпринятое на деньги ваххабитских монархий глобальное наступление радикальных суннитских исламских фундаменталистов, экстремистов и террористов на Ближнем Востоке остановится, а дряхлым аравийским правителям придется расплачиваться за те кровавые злодеяния, которые они натворили в Египте, Ливии и Сирии, причем скорее всего ценой собственного выживания.

Владимир Алексеев

Новые центры сил на Ближнем Востоке

Начавшиеся три года назад «арабские революции» похоронили традиционные центры сил на Ближнем Востоке, прежде всего Египет. При этом произошло усиление роли Саудовской Аравии. Но в конечном счете от всех процессов в регионе больше других выиграл Иран. И начался процесс формирования шиитской дуги, которого опасаются США, Израиль и консервативные монархии Аравии.

Прошло ровно 3 года со времени начала т. н. арабской весны, а точнее — череды исламистских революций, разгоревшихся на деньги Саудовской Аравии и других аравийских монархий при политической, а в некоторых случаях и военной поддержке со стороны США и ряда ведущих стран НАТО. Ее итоги весьма печальны для тех стран, где были арены ожесточенных сражений и даже боев. Причем все это — страны, которые традиционно были на ведущих позициях в арабском мире.

Ливия, игравшая видную роль в межарабских делах и в Африке, практически уже превратилась в несостоявшееся государство, расколотое на три части, в каждой из которых правят местные кланы. Власть центрального правительства едва распространяется на Триполи и его окрестности.

Египет, бывший ключевой державой арабского мира, от которого во многом зависела безопасность всего Ближнего Востока, переживает период нестабильности, близкий к хаосу, когда в стране может произойти новый переворот или начаться гражданская война. Де-факто он стал тоже несостоявшимся государством, нуждающимся в серьезной международной помощи для преодоления острого социально-экономического кризиса. Его роль как ключевого игрока в процессе ближневосточного государства практически сведена к нулю. Утрачена ведущая роль Каира в ЛАГ.

В Иордании ситуация несколько лучше, но сохраняется риск обострения конфронтации между сторонниками нынешнего монархического режима и исламистами под воздействием сирийского конфликта.

Йемен, занимавший особое место на Аравийском полуострове в качестве республиканского противовеса консервативной монархической Саудовской Аравии, втянут в изнурительную внутреннюю борьбу с повстанцами-хуситами на севере и боевиками Аль-Каиды Аравийского полуострова повсюду. Кроме того, ему грозит раскол на Север и Юг. Страна погрязла во внутренних разборках, и ей сейчас не до внешней политики.

Тунис после исламистского переворота переживает полосу внутривластной турбулентности и социального кризиса, грозящих перерасти в гражданский конфликт. Как серьезный игрок в политике Арабского Магриба Тунис утратил свое значение.

Алжир живет в ожидании смены власти поколений, причем на фоне растущей активности Аль-Каиды исламского Магриба. Прежняя его роль одного из полюсов сил наряду с Египтом и Ираком в арабском мире утрачена.

В Сирии продолжается гражданская война, шансы на мир путем диалога крайне малы, хотя правящий режим, опираясь на политическую поддержку России и военную помощь Ирана и Хезболлы, в целом контролирует ситуацию и скорее всего выживет. Но в нынешних условиях Дамаск не может играть активной роли в ближневосточных делах, в первую очередь в поисках решения палестинской проблемы.

В Ираке сохраняется острый накал суннито-шиитского противостояния, подпитываемый извне Саудовской Аравией, Катаром и некоторыми другими членами ССАГПЗ. Курды постепенно ведут дело к созданию де-факто независимого от Багдада анклава. Однако центральное шиитское правительство в состоянии пока удерживать общий контроль над большей частью страны. Постепенно улучшается социально-экономическая ситуация в Ираке. Но занятость внутренними проблемами не позволяет заниматься активной внешней политикой, в том числе в Персидском заливе.

Нельзя сбрасывать со счетов и курдский фактор. Если Иракский Курдистан в конечном счете решится объявить свою независимость, к нему захотят примкнуть населенные курдами районы сопредельных государств, прежде всего Турции и Сирии. А создание мощного курдского государства в самом сердце Среднего Востока — это новая геополитическая реальность. Его антиарабская и антитурецкая ориентация будет очевидна, что означает неизбежный союз с Ираном.

Пока что победителями «арабской весны» формально остаются страны ССАГПЗ во главе с Саудовской Аравией, хотя и там прошли волнения на фоне отголосков общей ситуации на Ближнем Востоке. Волнения шиитов на Бахрейне пришлось подавлять с помощью военной силы, прежде всего саудовских войск. В Восточной провинции Саудовской Аравии, в основном населенной шиитами, также прокатилась серия массовых выступлений протеста против дискриминации по конфессиональному признаку. Кувейт находится в полосе перманентного парламентского кризиса, тоже связанного с угнетением шиитского меньшинства. В Катаре пришлось срочно менять Эмира и премьер-министра с большей частью его правительства, чтобы уберечь это княжество от внутривластных потрясений, связанных с недовольством населения агрессивной внешней политикой страны. Однако в целом Саудовская Аравия, отодвинув Египет, Алжир, Сирию, Ирак и другие страны на обочину ближневосточной политики, стала во многом диктовать правила игры в регионе, в том числе захватив лидерство в ЛАГ.

Но сейчас там назревает нарыв и вот-вот может произойти смена поколений, поскольку король Абдалла и наследный принц Сальман не просто стары, но и тяжело больны. В правящей семье Аль Саудов нарастает напряжение и ширятся противоречия, молодое поколение больше не хочет жить

по нормам ваххабитов 18-го века, нарастает протест шиитского меньшинства, проживающего в основном районе нефтедобычи страны, засасывает недалёковидная политика втягивания КСА в конфликты в Сирии, Йемене, Египте и Ираке, за которой стоит руководитель разведки принц Бандар, искусственно нагнетается враждебность по отношению к Ирану, который быстро выходит из западной изоляции. Королевство может просто распасться на 4–5 частей, причем некоторые из них вполне могут быть поглощены соседними странами. Если Саудовская Аравия развалится, то весь Ближний Восток сотрясет до основания.

На фоне событий «арабской весны» пострадала и Турция, которая решила активно поучаствовать в сирийском конфликте. В результате, в самой этой стране летом с.г. прокатилась волна мощных протестов, которая существенно подорвала власть премьер-министра Эрдогана и снизила внешнеполитическую роль Анкары. Да и ее стабильность оказалась под вопросом. Сейчас Турцию непрерывно сотрясают скандалы на коррупционной почве, хотя в реалии речь идет об общем недовольстве населения политикой Эрдогана. Смена многих министров не успокоила ситуацию в стране, где может случиться смена власти. В этих условиях Анкара существенно снизила свою внешнеполитическую активность, в том числе и на ближневосточном направлении.

Единственной реально выигравшей региональной страной от всех последних событий на Ближнем Востоке оказался Иран. После смены там президента Махмуда Ахмадинежада, которого в июле прошлого года заменил Хасан Роухани, Тегеран за короткое время смог выйти на промежуточные договоренности с Западом по вопросу своей ядерной программы и начать процесс нормализации отношений с США и странами ЕС. Если нынешняя тенденция сохранится, то откроются перспективы снятия всех финансово-экономических и военных санкций, что позволит ИРИ быстро трансформироваться в самую мощную региональную державу на фоне упадка ведущих арабских государств. А это означает совершенно новый баланс сил на Ближнем Востоке, а главное — в Персидском заливе, где добывается 2/3 объема нефти в мире. Тем более что США сокращают свое присутствие в регионе, уходя в более важный для них район — АТР, где им нужно сдерживать рост влияния Китая. В нынешних условиях Тегеран проводит активную и наступательную внешнюю политику, делая упор на становлении союза с Ираком и Сирией для отражения агрессивной линии Саудовской Аравии, не желающей мириться с утратой своей роли в регионе. Эта тенденция может привести к становлению и официальному оформлению «шиитской дуги» в составе ИРИ, Ирака, Сирии и Ливана, а в перспективе и с присоединением к ней шиитских районов Саудовской Аравии (в случае распада королевства) и Бахрейна.

Естественно, такое развитие процессов на Ближнем и Среднем Востоке не устраивает США и Израиль, который в военном отношении остается самым мощным государством региона. С одной стороны, они боятся дальнейшего укрепления роли Ирана и становления шиитской оси, и с другой — не могут остановить этот объективный процесс. Для этого им пришлось бы развязать масштабный региональный конфликт на Ближнем Востоке. Но он чреват вовлечением в него слабых в военном отношении аравийских монархий, а также распадом Саудовской Аравии.

Так что, начав «революции», консервативные арабские монархии — их зачинщики, в конечном счете нанесли ущерб самим себе, подорвав роль арабского мира в целом и оказавшись на грани коллапса. А на сцене появился новый мощный игрок — Иран, который будет делать ставку на шиитов в арабских странах, что еще больше перекроит политическую карту Ближнего Востока. Не исключено, что сбудется предсказание иорданского короля об образовании шиитской дуги от Тегерана до Бейрута.

Исходя из реалий, которые нас ожидают в ближайшем будущем, России, наверное, стоило бы по-новому оценить ситуацию на Ближнем Востоке, произвести переакцентировку своей внешней политики в регионе и, может быть, стоит сделать ставку на формирование возможного Союза или Альянса с Ираном, Ираком и Сирией, тем более что последние теракты в Волгограде имеют явный саудовский след. Монархии ССАГПЗ никогда не поменяют своего враждебного идеологического настроя к Москве, которая якобы «угнетает» российских мусульман и поддерживает Иран. Они готовы и далее подпитывать финансами и пропагандистской салафитской литературой экстремистские и радикальные исламистские кружки и ячейки на Северном Кавказе и в Поволжье, тем самым поощряя терроризм в РФ. Кроме того, Саудовская Аравия готова демпинговать на рынке нефти, тем самым нанося ущерб российской казне, а Катар играет против Москвы на газовом рынке. Поэтому ограничение их влияния на Ближнем Востоке отвечает не только стратегическим, но и энергетическим интересам России. И в этом наши интересы совпадают с иранскими, иракскими и сирийскими. Причем к союзу РФ с «шиитской дугой» наверняка примкнут другие арабские страны по мере ослабления и уменьшения роли США в регионе.

Артем Кречетников

ООН отозвала приглашение Ирану: неизбежность или ошибка?

ООН в последний момент отозвала ранее направленное Ирану приглашение принять участие в открывающейся 23 января конференции «Женева-2» по урегулированию в Сирии.

«Прямо скажем, не очень удобная и с протокольной точки зрения малообъяснимая ситуация. Промашка Пан Ги Муна», — заявила Русской службе Би-би-си руководитель сектора Ирана Института востоковедения РАН Нина Мамедова.

Генеральный директор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров также считает случившееся, прежде всего, «неудачной игрой» генерального секретаря ООН.

Тегеран никогда не скрывал резко отрицательного отношения к идее создания в Сирии переходного правительства, поясняет эксперт.

Россия вступает в терминологический спор, подразумевая под переходным правительством не отстранение Башара Асада, а интеграцию во власть некоторых умеренных представителей сирийской оппозиции. Иран же отвергает формулировку, что называется, на корню, и не было никаких оснований полагать, что его позиция может за считанные дни кардинально измениться.

Если для Запада, стран Персидского залива и сирийской оппозиции это абсолютно не приемлемо, то и посылать приглашение не следовало.

По мнению аналитика, Пан Ги Мун очень хотел добиться максимально представительного характера конференции и представить это как крупный успех ООН, но в результате вышел конфуз.

Нина Мамедова указывает, что организаторы конференции не учли иранского менталитета: по ее словам, отказ от переговоров при наличии предварительных условий является там давней дипломатической традицией и делом принципа.

Главным официальным основанием для отзыва приглашения стала угроза сирийской оппозиции не поехать в Женеву, если там будет присутствовать иранская делегация.

Российские эксперты замечают, что противники Башара Асада сегодня не в том положении, чтобы диктовать условия.

Впрочем, по мнению собеседников Русской службы Би-би-си, это скорее повод, чем причина.

Бессилие мирового сообщества

В условиях, когда Запад явно не готов проводить военную операцию, судьба Сирии решится не на международных конференциях, а внутри страны, причем соотношение сил складывается в пользу режима, считают аналитики.

«В развитии конфликта наступил перелом. Правительственные войска освобождают от оппозиции участки за участком. Асаду нужно еще максимум полгода. А конференция ничего не даст. Будет какая-то общая ни к чему не обязывающая декларация», — прогнозирует Раджаб Сафаров.

«Вряд ли эти переговоры, с Ираном или без него, могли бы закончиться положительно», — уверена Нина Мамедова.

Сам факт отказа Ирану свидетельствует о том, что организаторы конференции видят в ней скорее пропагандистское мероприятие, полагает эксперт.

«Если бы процесс урегулирования реально начался, участие Ирана, с учетом влияния, которое он имеет в Сирии, стало бы необходимым», — уверена она.

В нынешних же условиях, по мнению Мамедовой, отсутствие на конференции по инициативе устроителей на руку Тегерану.

«Во-первых, это поможет настроенному на сближение с мировым сообществом правительству, и особенно [министру иностранных дел Джаваду] Зарифу избежать критики со стороны духовного лидера [аятоллы Хаменеи] и консервативной части межджлиса. Во-вторых, отказ есть объективное признание влияния Ирана в Сирии. В-третьих, иранцы впоследствии смогут объяснять неудачу конференции именно тем, что их там не было», — говорит она.

Главным на сегодняшний день вопросом внешней политики для Ирана является не участие в конференциях, а снятие экономических санкций, считает аналитик. А эта проблема решается в рамках договоренности по ядерной проблеме безотносительно сирийской ситуации.

Иран на распутье

Ряд наблюдателей высказывает мнение, что сегодняшний Иран напоминает СССР при Горбачеве, который мог повернуть куда угодно, а его постепенная либерализация стала бы самой крупной геополитической и идеологической победой Запада после краха коммунизма. Иран важнее Сирии, и с этой точки зрения Запад допустил ошибку.

Иран уже сделал шаг навстречу мировому сообществу, избрав своим президентом умеренного политика Хасана Роухани и заключив компромиссное соглашение по обогащению урана. Надо ли и дальше изолировать, антагонизировать и унижать его?

В конце концов, конференция «Женева-2» не обязана соглашаться с мнением Тегерана, а от разговора вреда бы не было, полагает часть экспертного сообщества.

«Иран не находится на перепутье и не может развиваться по разным сценариям. У Ирана есть определенная четкая ориентация, как во внешней,

так и во внутренней политике, его не качает ни вправо, ни влево. Иран не будет поступаться принципами ради вхождения в клуб ведущих стран. Отзыв приглашения является для Ирана не унижением, а предметом гордости как оценка его непоколебимой позиции в глазах всего мира», — утверждает Раджаб Сафаров.

Коли так, отзыв приглашения обоснован. Если Иран непоколебимо стоит, и, главное, никогда не сойдет с позиций аятоллы Хомейни и Махмуда Ахмадинежада, то о чем с ним разговаривать?

Однако Нина Мамедова придерживается иной точки зрения.

«Иран развивает частное предпринимательство и настроен на участие в мировом разделении труда. Роухани пришел не под нажимом Соединенных Штатов. За 30 лет подросло образованное молодое поколение, которое не одобряет вмешательства духовенства в политику и отнюдь не собирается жить в изоляции от мира. Единственное, что противопоставляет их Западу — это чрезмерный нажим, ущемляющий их самолюбие. Если бы не избыточное внешнее давление, влияние консервативных кругов снизилось бы до маргинального уровня», — утверждает эксперт.

«Иран не станет еще одной западной страной, но может стать ареной уникального исторического эксперимента по модернизации исламского общества при сохранении религиозной и культурной самобытности, за которым мне, как ученому, было бы чрезвычайно интересно наблюдать. Шансов на естественную эволюцию у Ирана больше, чем у многих его соседей», — говорит она.

Сбалансированный подход

Нина Мамедова обращает внимание на еще один аспект иранской проблемы.

Мир ислама сотрясает тысячелетняя борьба между суннитами и шиитами. Для остального мира это чужой конфликт, в котором не следует становиться на чью-либо сторону. В каждом из лагерей имеются умеренные и радикалы.

Между тем, по мнению многих, США и Европа избыточно благоволят суннитам в лице арабских нефтяных монархий и Турции, противопоставляя себе шиитов. Нормализация отношений с Ираном помогла бы восстановить баланс.

Политика конфронтации объективно толкает Иран в ряды мирового антизападного интернационала. Некоторые наблюдатели уже говорят о формировании геополитической оси «Пекин-Москва-Тегеран».

«При шахе, когда и Саудовская Аравия, и Иран были союзниками Америки, последний претендовал на региональное лидерство. Эр-Рияд воспринимал это болезненно, его нынешняя заинтересованность в изоляции Ирана вполне понятна. Но не в интересах Запада втягиваться в эту игру, тем более, с учетом того, что Иран, при всем своеобразии его политической модели, в вопросах демократии и прав человека ближе к мировым стандартам, чем саудовское королевство», — указывает Нина Мамедова.

Игорь Панкратенко

Грязные интриги «Женева-2»

«Идея Монтрё», идея мирного процесса и национального диалога в Сирии при международном посредничестве — умерла, не успев и родиться. Грязная интрига, в которую был вовлечен генеральный секретарь ООН, в которой применяются столь мелкие пакости, как задержка самолета с сирийской делегацией в Афинах — все это дает основания утверждать, что антисирийской коалиции диалог не нужен. Нужна война. И, главное, для основных игроков той коалиции — США, Франции и Саудовской Аравии — совершенно необходимо исключение России и Ирана из числа ко-спонсоров мирного процесса в регионе.

Сценарий конференции «Женева-2», а точнее — сценарий срыва этой конференции, писался в Вашингтоне. Пан Ги Мун лишь послушно отработал свою роль главы организации, в которой взносы США составляют 22% бюджета, а с основными игроками антисирийской коалиции — и все 50%. Такой вот чисто рыночный подход, «голосуем по количеству акций». Действия генса ООН прекрасно показали успешность политики США в превращении ООН в «карманную организацию», послушную воле основного финансового спонсора.

Рассказы западных СМИ о том, что решение Пан Ги Муна об отзыве приглашения Тегерану было принято «под давлением сирийской оппозиции», что эта оппозиция «надавила на ООН», поставив ультиматум о том, что у генса есть шесть часов, чтобы отменить приглашение Тегерану — это все откровенная ложь. Впрочем, ложью пропитана вся интрига вокруг «Женева-2». Официальный представитель Генерального секретаря ООН Мартин Несирки уже заявил, что решение пригласить Иран на конференцию в Монтрё не было поспешным, что оно было принято после продолжительных консультаций с официальными лицами США: «Я абсолютно уверен в том, что это не могло быть неожиданностью для властей США. Оно не было поспешным, и они прекрасно знали, когда об этом будет объявлено». Более того, по словам того же Мартина Несирки, консультации по вопросу участия Ирана в конференции как с американской, так и с российской стороны велись в течение минувших выходных и за несколько дней и недель до этого.

Впрочем, даже без этих откровенных признаний совершенно ясно, что «ультиматум» сирийской оппозиции здесь не причем. Во-первых, в минув-

шую субботу в Стамбуле на заседании генассамблеи Национальной коалиционной оппозиции и революционных сил (НКОРС) Сирии 58 из 73 членов руководящего совета проголосовали за участие в конференции «Женева-2», зная при этом, что Иран уже приглашен к участию. Во-вторых, кто эти люди, чтобы они могли диктовать свои условия ООН? Западные марионетки, представляющие в основном самих себя, «говорящие головы», задача которых — озвучить написанный им сценаристами текст. Поэтому важнее понять, что двигало вашингтонскими сценаристами, чем серьезно рассуждать о «представителях сирийской оппозиции» на конференции, за спиной которых — пустота.

Сценаристы из Белого Дома

В отношении участия Ирана в конференции Вашингтон в свойственной ему манере крутил и запутывал. «Лгунишка Керри» то заявлял, что участие Тегерана внесет элемент конструктивности в мирный диалог, то начинал выдвигать предварительные условия — дескать, Тегерану необходимо для начала «публично принять коммюнике встречи «Женева-1», под которым подразумевался итоговый документ заседания так называемой Группы действий по Сирии с участием России и США, принятый еще 30 июня 2012 года.

Российский министр иностранных дел Сергей Лавров вполне уместно напомнил своему американскому коллеге, что «если бы тот же критерий, а именно необходимость публично в одиночку заявить: «Я полностью разделяю цели женевского коммюнике», был бы применен к другим приглашенным, я, например, далеко не уверен, что все бы смогли это сделать». И действительно, ситуация июня 2012 года и сегодняшний день — это совершенно разные вещи. В 2012 году еще можно было говорить о внутрисирийском конфликте, хотя иностранное присутствие, разжигание войны извне было вполне очевидным уже тогда. Сегодня же — никакой гражданской войны в Сирии нет! Есть внешняя интервенция, ведущаяся руками «джихадистов», суннитских радикалов, агрессия «террористического интернационала» против суверенного государства, которая опирается на местных пособников.

Проще всего обвинить Вашингтон в «политической близорукости» или же сказать, как это делает ряд экспертов, о том, что «ситуация внутри сирийской оппозиции запутана» и Вашингтон не «определился с тем, кого он будет поддерживать». Но и это будет ложью. Администрация Обамы последовательно проводила и проводит курс на свержение Башара Асада. Именно устранение его от власти и захват Дамаска ориентированными на Запад (или его стратегического союзника — Эр-Рияд) силами является ключевым пунктом политики США в «сирийском вопросе». Смена госсекретарей, Хиллари «Валькирии» Клинтон на Джона «Лгунишку» Керри никак на эту политику не повлияла.

Сегодня победа в Сирии является для Вашингтона важнейшим этапом ближневосточной политики. Сказки о том, что США, якобы, намерены с Ближнего Востока «уходить» — они от наивности, либо от недобросовестности. Восемь триллионов долларов вложений с 1976 года только в ближневосточные монархии — такие «инвестиции» не бросают, тем более из-за

такого пустяка, как недостаточная компетентность нынешнего хозяина Белого Дома. Военно-промышленный комплекс США и финансовая элита во многом держатся на контроле за ценами на нефть, на удержании Персидского Залива и Суэцкого канала, на обеспечении безопасности «священного животного США» — Израила и непотопляемого авианосца — монархий Залива. И никто в Вашингтоне бросать все наработанное десятилетиями не собирается.

Иран никак не нужен был в Монтрё, поскольку, обладая подлинной информацией о сирийских реалиях, он мог на весь мир сокрушительно разоблачить все западные мифы о происходящем в Сирии. А за этим неизбежно следовал вопрос о том, кто в этой ситуации виноват. И «друзья Сирии», с придыханием рассказывающие нам о «гуманитарной катастрофе», автоматически становятся не просто соучастниками, а организаторами и спонсорами этой катастрофы. Да и подлинное лицо НКРОС бы приоткрылось.

Иран нельзя было допускать в Монтрё, поскольку альянсу Москва — Пекин — Тегеран, с их единой позицией, противопоставить антисирийская коалиция попросту ничего не смогла бы. Феерический пропагандистский провал этой антисирийской коалиции, рост авторитета России и Ирана, разрушение массы мифов и поражение в информационной войне — вот чем грозило участие Ирана в Монтрё, вот что могло бы произойти, если бы не были заблокированы усилия России по определению состава участников, действительно заинтересованных в мире.

Иран шел на конференцию с продуманными, взвешенными и, главное, абсолютно реальными предложениями мира, которые были результатом огромного труда российских, иранских, китайских и сирийских дипломатов. С Тегераном конференция приняла бы несколько иную тональность, а потому напрочь уничтожила бы вашингтонский сценарий «окончательного решения сирийского вопроса».

Сдержать Иран и выбросить Россию с Востока

Другое дело, что меняются инструменты внешней политики. Осознав весьма неприятное обстоятельство, что Исламская Республика не задохнулась в удавке «калечащих санкций», что провозглашенная российским президентом внешняя политика основана на традиционных ценностях — уважении суверенитета, учета национальных особенностей и недопустимости «экспорта демократии», Вашингтон изменил тактику. В Сирии идет «война по доверенности», когда главную роль играют стратегические партнеры США, в первую очередь — Эр-Рияд. В борьбу с Дамаском намерен все активнее вмешиваться Париж, который при Оланде утратил объективное представление о собственных национальных интересах и грезит миражом возрождения протектората Франции в части Африки и в отдельных областях Ближнего Востока. Но это отнюдь не значит, что Вашингтон снизил объемы своего участия в антисирийской коалиции. Он взял на себя стратегическую задачу — во-первых, «крышевание» антисирийской коалиции и используемых ею террористических банд на международном уровне. Во-вторых, он занят блокированием любой внешнеполитической активности в регионе Тегерана и Москвы.

Действительно, с конца 2012 — начала 2013 г. существовала определенная, пусть и негласная договоренность о совместной работе России и США по урегулированию сирийского кризиса. Россия «брала на себя» обеспечение готовности Башара Асада к диалогу с оппозицией и выработку согласованной конструктивной линии с Тегераном. Эти свои обязательства, которые, кстати, предусматривали продвижение Москвой принципа активного участия Ирана в сирийском урегулировании, Россия выполнила на 100%. Совместная работа России и Ирана в сирийском вопросе наглядно продемонстрировала Вашингтону опасность такого стратегического партнерства. И потому, под маской совместных усилий по урегулированию, Вашингтон в действительности начал осуществление спецоперации по исключению Москвы и Тегерана и числа ко-спонсоров сирийского урегулирования.

Вашингтону в соответствии с достигнутыми договоренностями отводилась не менее важная роль. Во-первых, сдерживание внешнего вмешательства со стороны Турции и Саудовской Аравии, а во-вторых — «принуждение к диалогу» сирийской оппозиции, которая по большей части на содержании США и их союзников тогда и находилась. В итоге — ни одно из взятых на себя обязательств Вашингтоном не выполнено. Более того, оппозиция всего за год трансформировалась из вполне светской до фундаменталистской. По большому счету, нынешние «разборки» внутри оппозиции — попросту установление джихадистами контроля над каналами финансирования и поставки вооружений, которые раньше шли «светским» оппозиционерам.

Неуклюжие рассказы о «внезапных захватах» джихадистами оружейных складов и запасов снаряжения — еще одна ложь в «интриге вокруг Монтрё». Любой здравомыслящий человек, если у него нет гарантии того, что груз попадет в «правильные руки», попросту этот груз не отправит. А когда отправляют в полной уверенности, что груз будет захвачен — это уже называется по другому.

Уроки Монтрё

Чего ждать от конференции, которая откроется через пару часов после того, как будет поставлена точка в этом материале? Ничего хорошего. В лучшем случае это будет совершенно протокольное мероприятие, которое ничего не решит и кровь в Сирии не остановит. В худшем — антисирийская коалиция, учитывая то, что на конференции соберется проамериканское агрессивное-послушное большинство, сумеет добиться признания легитимности своей агрессии против Дамаска. Не случайно Керри уже категорично заявил: «Всем, кто хочет переписать эту историю и мутить воду, мы повторяем еще раз: целью является создание переходного правительства, со всеми полномочиями исполнительной власти, созданного по взаимному согласию». Вот так — не прекращение кровопролития и мирный диалог, не приостановка внешней интервенции и вооружение террористов, а — свержение Асада!

Прибыв на конференцию, сирийский министр иностранных дел Валид Муаллем заявил: «Мы прибыли в надежде, что нам удастся прийти к единой межсирийской позиции, чтобы противостоять терроризму, ударившему по Сирии и по всему региону». А вот декларация тех, кто участвует в конференции со стороны «сирийской оппозиции»: «Я выражаю надежду,

что мирная конференция в Швейцарии заставит президента Сирии Башара Асада предстать перед судом. Предстоящая конференция — это путь в одну сторону, в направлении признания требований революционных сил без каких-либо компромиссов. Мы будем участвовать на этой конференции как борцы с терроризмом, чтобы освободить Сирию от этого преступника». Тем, кто в Вашингтоне так любит вспоминать о коммюнике 30 июня 2012 года, неплохо бы освежить в памяти текст, в котором говорится о «переговорах без всяких предварительных условий». Впрочем, как и в остальных случаях, перед нами — торжество американских двойных стандартов — то, что позволено «оппозиции», то никак не позволено ни Ирану, ни России.

А это уже наводит на определенные и весьма обоснованные выводы, которые можно назвать «уроками Монтрё». Во-первых. Тем, кто всерьез относится к декларациям Вашингтона о готовности «нормализовать» отношения с Ираном, ослабить санкционный режим и, тем самым, позволить Тегерану стать одним из гарантов стабильности на Ближнем Востоке — нужно срочно избавляться от этой иллюзии. Ничего «нормализовывать» Вашингтон не намерен, уничтожение Сирии — это этап долгосрочной стратегии на укрепление гегемонии США на Ближнем Востоке, которая будет опираться на Израиль, монархии Персидского залива и лояльные Штатам режимы в Каире и, как рассчитывают в Белом доме, в Багдаде. По итогам реализации этой стратегии Тегеран будет вытеснен и из «шиитской дуги», и из региона в целом.

Во-вторых. Ближневосточная политика США направлена на уничтожение присутствия в регионе стран, которых Америка считает конкурентами — России, Ирана и Китая. Собственно, хотим мы это признавать или нет, но вся линия поведения Вашингтона в отношении Сирии пропитана именно духом противостояния с Россией. Белому дому сегодня откровенно наплевать на реальные угрозы, которые несет дестабилизация региона и усиление «джихадистов», создание ими «экономики войны», когда нестабильность и наркотрафик становятся источником существования. «Асад страшнее Аль-Каиды». Но страшен он не сам по себе, а потому, что является союзником Ирана и России. Поэтому — «Асад должен уйти».

Разногласия между Москвой и Вашингтоном по вопросу конфликта в Сирии имели чрезвычайно серьезные и совершенно неожиданные последствия, хотя западные средства массовой информации и западная же политическая элита не хотели этого замечать. Владимиру Путину удалось стать самым успешным политиком в мире, рейтинги президента Барака Обамы снизились, точно так же, как и степень доверия к Америке на Ближнем Востоке. Тезис о том, что «русские идут на Ближний Восток», стал навязчивой идеей для части западных политических элит, а, следовательно, еще не оформившаяся окончательно ось «Москва — Тегеран — Пекин» уже записана Западом и их стратегическими партнерами на Ближнем Востоке в противники, бороться с которыми можно любыми средствами — от интриг до откровенных провокаций...

Владимир Алексеев

Кто унаследует власть в Саудовской Аравии?

В связи с тем, что в ходе арабской «весны», начавшейся три года тому назад, Саудовская Аравия вышла на арену Ближнего Востока в качестве одного из ключевых игроков, интерес к этой стране существенно возрос, тем более что она никогда не отличалась открытостью. И, естественно, наибольший интерес вызвала тема правящей элиты королевства, которая, несмотря на весьма преклонный возраст представителей верхушки, приняла решение ввязаться практически во все арабские «революции», хотя Саудовская Аравия является одной из самых консервативных стран арабского мира, где господствующей идеологией является ваххабизм — наиболее радикальное течение ислама «образца 17-го века», а демократические институты практически полностью отсутствуют. Чтобы сформировать представление о правящей семье саудовского королевства, необходимо сделать небольшой исторический экскурс.

Две версии происхождения династии Аль Сауд

Первая версия. Саудиты являются потомками происходившего из Эль-Катифа Мани эль-Мрайди, который где-то около 1446 года основал город Эд-Дирья. Потомки Мани стали эмирами, то есть правителями этого города и близлежащих областей, возглавив племя аназа (унайза). В 1744 году эмир Эд-Дирья Мухаммад ибн Сауд взял под свою протекцию богослова Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба и принял его религиозное учение, впоследствии получившее название ваххабизм. В течение нескольких десятилетий ибн-Сауд и его потомки, опираясь на пуританскую идеологию ваххабитов, сумели подчинить себе всю область Неджд, то есть запад и восток Аравийского полуострова. В 1792 году после смерти Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, Саудиты объединили в своих руках верховную светскую и духовную власть. В 1803 году они захватили Мекку, а в 1804 — Медину и весь Хиджаз, который был наиболее продвинутой частью суннитского аравийского полуострова. Однако их доминирование в Аравии продолжалась недолго: в 1811 году по воле османского султана против них выступил хедив (государь) Египта Мухаммед Али. За семь лет войны Саудиты потеряли все: в 1818 году после пятимесячной осады египтяне взяли их столицу Эд-Дирья и сравняли с землей, а эмир Абдаллах I ибн Сауд был отправлен в Стамбул,

где его обезглавили. И лишь после развала Османской империи Аль Сауды при поддержке Британии подняли голову и начали объединять вокруг себя бывшие ее осколки на Аравийском полуострове. В 1932 году было провозглашено образование нынешнего королевства Саудовская Аравия, во главе которого стал Абдель Азиз, сыновья которого правят до сих пор.

Вторая версия. Некоторые арабские исследователи утверждают о еврейском происхождении Аль Саудов. Они, в частности, ссылаются на то, что во второй половине 15-го века (851 год по Хиджре) группа людей из рода аль-Масалих, являющимся родом племени Аназа, снаряжают караван для закупки зерновых (пшеницы) и других продуктов питания из Басры и транспортировки их в Неджд. Караван прибыл в Басру, где караванщики остановились к торговцу зерном, еврею по имени Мордехай бин Ибрахим бин Моше. Во время переговоров еврей спросил их: «Вы откуда?». Они ответили: «Из племени Анза из рода аль-Масалех». Услышав это, еврей стал жарко обнимать каждого из пришедших, говоря, что он тоже из рода аль-Масалех, но он проживает в Басре из-за ссоры его отца с некоторыми членами племени Анза. После того, как он рассказал придуманную им историю, он приказал своим слугам погрузить на верблюдов товары с продовольствием в гораздо большем объеме. Когда караван был готов к отправлению, еврей попросил взять его с собой, потому что он очень хочет посетить свою родину Неджд. Таким образом, он попал в Неджд. Там через своих сторонников, которых он выдавал за своих родственников, он стал усердно вести пропаганду самого себя. Но, неожиданно, он столкнулся с противодействием со стороны сторонников мусульманского проповедника местности аль-Касим шейха Салиха Салмана Абдуллы ат-Тамими. Мордехай проповедовал на территориях Неджда, Йемена и Хиджаза, отправившись из аль-Касима в аль-Иша, по дороге в Аль-Катифе он сменил свое имя на Марвана бин Дирия. Он решил навсегда поселиться в городке Дирия в местности Аль-Катиф, который он рассматривал как плацдарм для создания в Аравии еврейского государства. Для достижения столь амбициозных замыслов он стал сильно сблизиться с бедуинами и в конце концов объявил себя их правителем.

Некоторые арабские исследователи утверждают о еврейском происхождении Аль Саудов

В то же время племя Ажаман в союзе с племенем Бану Халид решили уничтожить его. Они напали на его город и захватили его, но не смогли схватить Мордехая, укрывшегося от врагов. Он спрятался на ферме, которая в то время называлась аль-Малибед-Усайба близ аль-Арида, нынешнее название этой местности — Эр-Рияд. Он попросил убежища у хозяина этой земли. Тот позволил Мордехая остаться. Не прошло и месяца, как еврей убил всех членов семьи хозяина фермы, скрыв следы своих преступлений и показав так, будто воры, проникшие сюда, уничтожили семью. Затем он объявил, что купил эти земли до смерти бывшего владельца и остался там жить. Он переименовал местность, дав ей название — ад-Дирия. Мордехай, выдавший себя за выходца из династии ибн Сауда, на землях своих жертв построил гостинный двор под названием «Мадафа» и собрал вокруг себя группу своих приспешников, которые стали упорно говорить, что он является видным арабским предводителем. Сам иудей стал плести заговоры против шейха Салиха Салман Абдуллы ат-Тамими, своего истинного врага, который впоследствии был убит в мечети

города аз-Залафи. После этого он почувствовал себя в безопасности и сделал ад-Дирию своим постоянным местом проживания. Он имел много жен, которые родили ему огромное количество детей, всем им дав арабские имена.

С того времени количество его потомков увеличилось, что позволило создать большой клан Саудитов, следующий его пути, контролирующей арабские племена и рода. Они безжалостно отбирали сельскохозяйственные угодья, а непокорных устраняли физически. Они использовали все виды коварства для достижения своих целей, предлагали своих женщин, деньги, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше людей. Особенно они усердствовали с историками и писателями, чтобы навсегда затемнить свое иудейское происхождение и связать ее с исконными арабскими племенами Раба, Анза и аль-Масалех. Один из арабских исследователей 20-го века — Мухаммад Амин ат-Тамими, который стал директором Королевской библиотеки Саудовской Аравии, составил генеалогическое древо для иудейской семьи Саудитов и связал их с пророком Мухаммадом. За этот выдуманный труд он в 1943 году (1362 Хиджры) получил вознаграждение в размере 35 тысяч египетских фунтов от посла КСА в Каире Ибрахима аль-Фаделя.

Потомки Сауда стали убивать видных арабских деятелей, под предлогом того, что они отошли от ислама, нарушают коранические предписания и тем самым вызывают на себя гнев Саудитов

Иудейский предок Саудитов Мордехай практиковал полигамию, женившись на огромном количестве арабских женщин и имевших в следствии этого большое количество детей; его потомки сейчас повторяют действия своего предка точь-в-точь увеличивая свою мощь — беря количеством. У одного из сыновей Мордехая, которого звали аль-Маракан (арабизированная форма еврейского имени Макрен), старшего сына звали Мухаммад, а другого звали Сауд, чье имя сейчас и носит династия Саудитов.

Потомки Сауда (династия Саудитов) стали убивать видных арабских деятелей, под предлогом того, что они отошли от ислама, нарушают коранические предписания и тем самым вызывают на себя гнев Саудитов. Мусульмане, не разделяющие

взглядов Мухаммада ибн Абдель-Ваххаба (он якобы также имеет еврейские корни из Турции) подлежали полному уничтожению. Прикрываясь этим, саудиты убивали мужчин, закалывали детей, вспарывали утробы беременных женщин, насиловали, грабили и вырезали целые селения. Эта династия творит беззаконие с 1734 года (1163 года Хиджры), с тех пор как они назвали Аравийский полуостров в честь себя (Саудовская Аравия).

В 1960-х годах египетская радиостанция «Саут аль-Араб» Каир и йеменская радиостанция подтвердили еврейское происхождение династии Саудитов. Король Фейсал в то время не смог отрицать близкое отношение его семьи с иудеями, когда он заявил в интервью «Вашингтон Пост» 17 сентября 1969 года: «Мы, династия Саудитов, являемся родственниками (кузенами) иудеев: мы не разделяем точку зрения арабов или мусульман в целом по еврейскому вопросу... мы должны жить с евреями в мире и согласии. Наша страна (Аравия) является прародиной первого еврея, и именно отсюда они распространились по всему миру». Но, какая бы из упомянутых версий не была правильной, или же близкой к истине, суть проблемы вовсе не в этом.

Дряхлые старички или могущественные мировые лидеры?

Аль Сауды сегодня — одно из немногих королевских семейств, имеющих абсолютную власть в стране. Все посты в правительстве и в регионах занимают представители Аль Саудов, которые назначаются королем. Сегодня главой династии является король Абдалла ибн Абдель Азиз Аль Сауд, а общее количество саудитов достигает 25 тысяч человек, среди которых насчитывается более 200 принцев. Наследование у Саудитов происходит не как у большинства династий, от отца к детям, а в большинстве случаев от брата к брату, а лишь затем к старшему из следующего поколения. Женская линия не учитывается. Так кто же они, нынешние правители Саудовской Аравии? Просто дряхлые старички или могущественные мировые лидеры?

Нынешний 89-летний правитель, сын первого короля КСА Абдалла, родился в августе 1924 года в Эр-Рияде. Он был одним из 37 сыновей первого короля. Мать Абдуллы — Фахда бен Аси ас-Шураим — принадлежала к знати могущественного бедуинского племени шаммар. Абдулла получил традиционное исламское образование при дворе под руководством своего отца, однако много времени проводил в пустыне с матерью, где привык к бедуинскому образу жизни. Первым государственным постом Абдаллы стала должность губернатора Мекки. В октябре 1962 года он был назначен командующим национальной гвардии, независимого от остальной армии вооруженного формирования, отвечающего за охрану королевской семьи, а также нефтепромыслов и городов Мекка и Медина. В 1975 году король Халед назначил Абдаллу вторым заместителем премьер-министра. Это означало, что он в будущем мог стать наследником трона. При этом он остался командующим национальной гвардии. После смерти короля Халеда новый король Фахд в июне 1982 года первым своим указом назначил Абдаллу наследным принцем и первым заместителем премьер-министра. Как наследник трона он активно вмешивался в ближневосточную политику. В 1988 году он выступал одним из основных посредников при заключении мира между Ираном и Ираком. В 1990 году после вторжения Ирака в Кувейт Абдалла, в отличие от короля Фахда, был против размещения американских войск на территории Саудовской Аравии, однако затем согласился на вхождение королевства в антииракскую коалицию.

В 1992 году король Фахд издал эдикт, утверждающий за королем право назначать наследного принца или изменять уже принятую кандидатуру, что было воспринято как попытка лишить сводного брата Абдаллу права наследования из-за разногласий между королем и наследником во время войны в Персидском заливе. Соперником Абдаллы был второй заместитель премьер-министра, министр обороны и полный брат Фахда, Султан. 29 ноября 1995 года король Фахд пережил инсульт, лишивший его возможности управлять государством, и в декабре Абдалла начал крупные военные учения подконтрольной ему Национальной гвардии, гораздо лучше оснащенной, нежели вооруженные силы Саудовской Аравии, что заставило совет улемов поддерживать его. А 1 января 1996 года Фахд назначил Абдаллу премьер-министром, формально передав ему полномочия главы государства.

Вторая половина 1990-х годов была очень сложной для Саудовской Аравии из-за низких цен на нефть: в этих условиях Абдалла инициировал эко-

номические реформы, направленные на диверсификацию экономики. Во внешней политике до терактов 11 сентября 2001 года Абдалла старался дистанцироваться от Соединенных Штатов, критикуя их ближневосточную политику, однако неоднократно встречался с президентами США Биллом Клинтон и Джорджем Бушем и не пытался вывести американские войска из своей страны. Абдалла не поддержал вторжение США в Ирак в 2003 году. В апреле 2001 года Саудовской Аравии удалось восстановить дипломатические отношения с Ираном, разорванные после конфликта в Мекке летом 1987 года, когда из-за столкновений между органами безопасности Саудовской Аравии и иранскими паломниками, требовавшими свержения проамериканской династии Саудов, погибло более 400 человек. В июне 2000 года Абдалла возглавил совет королевской семьи — высший орган династической власти Саудовской Аравии, в который ходят самые влиятельные члены дома Саудов.

Абдалла осудил теракты 11 сентября 2001 года и объявил о необходимости борьбы с международным терроризмом. 15 из 19 террористов, осуществивших теракты в США, были гражданами Саудовской Аравии, кроме того, семьи жертв терактов обвинили королевскую семью в поддержке «Аль-Каиды». Под давлением США Абдалла отдал приказ о ликвидации лидеров радикальных исламистов, что обострило террористическую обстановку в стране. Серия терактов, направленных против иностранцев, началась со взрывов в Эль-Риаде в 2003 году и продолжалась до 2005 года. 1 августа 2005 года король Фахд скончался, и Абдалла стал новым королем Саудовской Аравии, унаследовав титул «Служителя двух святынь». После смерти Фахда принц Султан был назначен Абдаллой наследным принцем, несмотря на их прошлые разногласия. Также Абдалла остался командующим национальной гвардией и объявил о создании наследного совета, который бы распределил порядок наследования трона среди детей и внуков Абделя ас-Сауда. Король Абдалла являлся самым богатым государственным лидером, согласно рейтингу журнала «Форбс», составленному в 2006 году, его личное состояние составляло 21 миллиард долларов.

Второй человек в королевстве — наследный принц Салман бин Абд аль-Азиз Аль Сауд родился 31 декабря 1935 года. Он тоже сын первого короля Саудовской Аравии Абдул-Азиза ибн Сауда, шестой из «Семерки Судайри», был самым доверенным советником короля Фахда и самым близким братом наследного принца Султана. Губернатор провинции Эр-Рияд (1962–2011) и министр обороны (с 2011). Принц Сальман был назначен наследником престола и первым заместителем премьер-министра 18 июня 2012 года после смерти своего брата наследного принца Наифа 16 июня 2012 года, став уже третьим престолонаследником за годы правления короля Абдаллы. Фактический правитель государства с 27 августа 2012 года. В последние годы он перенес один инсульт, вследствие чего его левая рука не работает, а также в августе 2010 года ему делали операцию на позвоночнике. Также ходили слухи, что он страдает Болезнью Альцгеймера, однако это было опровергнуто.

Ведущие кланы семейства Аль Саудов

Надо отметить, что влияние членов королевской фамилии определяется прежде всего принадлежностью к конкретному семейному клану, члены

которого связаны друг с другом отношениями близкого родства (чаще всего это родные братья и дядья по матери). В своей деятельности принцы вынуждены ограничиваться рамками положения, занимаемого их кланом. При этом они широко используют внутриклановую солидарность и оказывают взаимную поддержку в получении государственных постов и упрочении своего положения во властных структурах. Наиболее значимым кланом семейства Аль Сауд является Судейри. «Ядро» клана составляли семь сыновей короля Абдель Азиза от Хессы бинт Ахмад ас-Судейри. Служащее опорой клана «второе поколение» принцев представлено главным образом сыновьями «семерки Судейри». К этой группе относятся принцы Мухаммад бен Фахд, Абдель Азиз бен Фахд, Бандар бен Султан, Халед бен Султан, Сауд бен Наиф, Мухаммад бен Наиф, Абдель Азиз бен Сальман. Занимаемые представителями клана Судейри государственные посты позволяют им контролировать основные источники власти в королевстве: нефть и силовые структуры.

Определенным противовесом влиянию Судейри в правящем семействе и государстве служит клан Сунайян в составе восьми братьев — сыновей короля Фейсала. Наиболее видные из них — министр иностранных дел принц Сауд аль-Фейсал. По некоторым свидетельствам, клан Сунайян патронирует король Абдалла, являющийся по матери представителем менее влиятельного, чем Судейри, клана Шаммар. К числу наиболее крупных кланов, занимающих промежуточное положение между Судейри и тандемом «Сунайян — Шаммар», относится клан Джелава, выходцы из которого — принцы Сауд бен Абдалла и Абдель Мохсен занимают жесткую позицию по вопросу шиитского меньшинства. В настоящее время джелавиты фактически сохраняют монополию на руководство более мелкими территориально-административными единицами, входящими в ее состав.

Совет королевской семьи — обеспечивает равновесие дома Аль Сауд

Органом, поддерживающим «равновесие» дома Аль Сауд, является Совет королевской семьи, наделенный широкими полномочиями. Его основная задача сводится к урегулированию разногласий между членами семейства, а также к недопущению чрезмерного усиления отдельных ветвей правящей фамилии в ущерб интересам других кланов. С этой целью Совет рассматривает все назначения представителей династии на государственные посты, и выносимое им решение носит окончательный характер. В 1962 году во многом благодаря Совету, наследному принцу Фейсалу удалось создать противовес влиянию клана Судейри в вооруженных силах, сформировав параллельную силовую структуру — Национальную гвардию. В 1975 году Совет королевской семьи изменил очередность престолонаследия, и вместо брата короля Фейсала принца Мухаммада, обвиненного в «поведении, противоречащем нормам ислама», королем стал принц Халед. Властные позиции семейства Аль Сауд обеспечиваются за счет заполнения его представителями руководящих должностей в важнейших управленческих и предпринимательских структурах. Усилению династийного фактора способствует сохраняющийся контроль семьи за силовыми и финансовыми ведомствами. Несмотря на подспудное недовольство в саудовском обществе по поводу

количества представленных в правительственных органах членов королевской фамилии и очевидную необходимость соответствия ведущих лиц государственного руководства в первую очередь профессиональным требованиям, такое положение продолжает сохраняться, представляя потенциальную проблему для династии.

«Молодые принцы» — угроза правящему семейству

Фактором, косвенным образом подрывающим единство правящего семейства, является второе поколение Аль Сауд — так называемые молодые принцы. Представители этой группы возглавляют среднее звено в ряде ключевых ведомств, занимают значительные должности в губернаторствах провинций, вооруженных силах, Национальной гвардии, спецслужбах, ведут успешную предпринимательскую деятельность. Получившие высшее светское образование на Западе, «молодые принцы» в целом не выступают за «ревизию» позиций Саудов в королевстве. Однако часто они не удовлетворены двойственным курсом руководства страны, направленным на сохранение исламских традиций в качестве основы существования саудовского государства и на одновременное осуществление модернизации, а также незначительной степенью своего участия в государственных делах. Неформальный лидер «молодых принцев» — Валид бен Талаль, ведущий представитель делового мира Ближнего Востока, входящий в «первую десятку» обладателей крупнейших личных состояний.

Принимая во внимание критику династии Аль Сауд сторонниками либерализации, король Фахд санкционировал принятие в 1992 году «Основ системы власти в КСА» — документа, существенно повлиявшего на расстановку сил в правящей семье. Документ изменил традиционный порядок передачи власти в стране от старшего к младшему сыну короля Абдель Азиза бен Сауда, включив в число возможных престолонаследников представителей второго поколения Саудов — внуков Абдель Азиза. Кроме того, несколько лет назад ряд принцев из второго поколения королевской фамилии был приближен к Абдалле, который был тогда наследным принцем, сформировав значительную часть его ближайшего окружения. Это до некоторой степени сгладило назревавший конфликт «отцов и детей».

Пожалуй, наиболее сильный человек из числа «внуков» — принц Бандар бин Султан

Пожалуй, наиболее сильный человек из числа «внуков» — принц Бандар бин Султан. Это весьма известная личность еще с тех времен, когда его отец занимал пост министра обороны и был наследным принцем до своей смерти в 2011 году. 22 года, начиная со времен Рейгана, он был послом КСА в США и мог свободно посещать Белый дом практически в любое удобное для него время. Принц Бандар оказал значительные услуги всем американским администрациям, особенно

республиканским, посредничая в деликатных инвестиционных и оружейных сделках, обогативших как верхушку правящей семьи КСА, так и высокопоставленных деятелей в Вашингтоне. Не случайно он заработал прозвище «Бандар Буш» благодаря слишком тесным узам саудовско-американской дружбы при обоих Бушах. Принц Бандар — один из 18 сыновей Султана

бин Абдельазиза. Интересно, что он — сын наложницы, поэтому, по мнению многих, не может претендовать на высший пост в королевстве из-за своего происхождения. Но судя по тому, что король Абдалла назначил его сначала генеральным секретарем Совета национальной безопасности, а затем еще и главой разведслужбы, этот факт не принимается во внимание. Могущество Бандара растет, причем как в сфере внешней политики, так и безопасности. Он — главное действующее лицо Эр-Рияда в сирийских событиях.

В этих условиях трудно предсказать, что будет с КСА после смерти короля Абдаллы. Не исключено, что наследный принц уйдет в мир иной раньше его. По идее, наследником должен стать тот, кто еще остается в «строю» из поколения «дряхлах старичков». Но, активные и успешные внуки основателя королевства уже цепляются за трон и могут не согласиться с таким решением семейства. Вполне между ними может случиться междуусобица в борьбе за власть. Хотя что-то подсказывает, что дело может и вовсе не дойти до назначения следующего короля из-за возможного распада самого государства. В любом случае Саудию ждут трудные времена, и предсказать ее будущее — дело более чем непростое.

Владимир Ефимов

Что такое Ваххабизм, кто такие ваххабиты?

Арабская «весна» внесла огромную путаницу в головы людей, особенно в головы специалистов по Ближнему Востоку и даже ученых-исламоведов. Особенно в том, что касается участия в разжигании арабских цветных «революций» Саудовской Аравии и Катара. Почему-то эти государства вдруг стали называться суннитскими монархиями, хотя хорошо известно, что в основе их идеологии лежит вовсе не суннитская ветвь ислама, а ваххабизм-салафизм — наиболее консервативное и экстремистское сектантское направление в исламе. И оно никак не может считаться суннизмом. Более того, многие исламские богословы относят ваххабизм к ереси.

Мекка и Медина должны принадлежать всем мусульманам

Не зря на протяжении многих десятилетий многие выдающиеся представители исламского духовенства ради сохранения единства исламской уммы (семьи) и восстановления исторической и социальной справедливости призывали «изъять» две основные святыни ислама в Мекке и Медине из ведения саудовского короля и передать их в управление всех мусульман. Ведь, в свое время ими управляли мекканские шерифы — прямые наследники пророка Мухаммеда династии Хашемитов. Теперь, видимо, настало время создать специальный международный орган, состоящий из представителей всех исламских государств, независимо от численности их населения, который бы занимался вопросами ведения и управления этими двумя основными святынями мусульман, контроль над которыми узурпировали 100 лет тому назад ваххабиты с помощью силы и Британской империи. Именно на Британской империи и на английском полковнике и шпионе-авантюристе, активно практиковавшем нетрадиционные сексуальные связи, получившем прозвище Лоуренс Аравийский, лежит основная груз ответственности за то, что они в свое время, исходя из своих меркантильных интересов поспособствовали появлению Саудовской Аравии на политической карте мира и вместе с этим выходу учения ваххабизма — агрессивной идеологии этого режима на политическую арену Ближнего Востока.

Корни ваххабизма восходят к поборническим идеям проповедника из Неджда Мухаммада Абдель Ваххаба (1703–1787 гг.), который решил «очистить» ислам от нововведений, опираясь на идеи сирийского богослова Ибн Таймийя (1263–1328 гг.), жившего в Аравии. Вступив в сговор с шейхами местной бедуинской семьи Аль Сауд, правившей в районе оазиса Аль-Катиф, Абдель Ваххаб организовал некое повстанческое движение, которое начало завоевывать сопредельные территории под религиозными ваххабитскими лозунгами. Но их продвижение был разгромлено в начале 19-го века силами Османской империи, направившей в Хиджаз египетский экспедиционный корпус. Правда, ваххабизм смог возродиться почти через 150 лет, когда его знамя было поднято молодым лидером Аль Саудов Абдельазизом, который разгромил своих противников в Центральной Аравии и в 1932 году создал королевство Саудовская Аравия, в состав которого вошли Мекка и Медина. А с открытием американцами нефти на территории КСА, когда нефтедоллары потекли огромным потоком в казну клана Аль Сауд, ваххабизм получил мощную финансовую подпитку для распространения по всему исламскому миру.

Это течение получило мощный толчок к развитию после смерти общепризнанного лидера арабской нации Гамалея Абдель Насера и в результате использования саудовским королем Фахдом нефтяного оружия против Запада во время арабо-израильской войны в октябре 1973 года, когда цены на нефть выросли сразу в четыре раза, что обогатило Саудовскую Аравию и укрепило ее позиции в арабском и исламском мире. В Джидде (втором городе КСА) была создана Организация исламская конференция (аналог ООН для исламского мира), а при ней — Исламский банк развития — инструмент финансового воздействия ваххабитов на мусульманские страны. После советского вторжения в Афганистан в 1979 году Саудовская Аравия, США и Пакистан создали союз, который стал опорой распространения ваххабизма за пределами арабского мира и создания армии боевиков-ваххабитов для войны против СССР. Тогда же на пакистанской территории были созданы салафитские школы, где проводилась промывка мозгов идеологами радикального ваххабизма, именуемого такфиризмом, а затем, получив с помощью ЦРУ военную подготовку, «борцы с неверными» (муджахеды) приобретали опыт ведения войны и террористических действий в сражениях против Советской Армии. Именно тогда были заложены основы организации Усамы бен Ладена, который 11 сентября 2001 года продемонстрировал свое могущество США. Но еще раньше — в 1986 году — король Саудовской Аравии Фахд присвоил себе титул «Хранителя двух святынь» (в Мекке и Медине), узурпировав власть ваххабитов над главными исламскими святынями.

На сегодня лишь 1% мусульман причисляют себя к ваххабитам, тем самым поставив себя в оппозицию к традиционному исламу, хотя под их влияние попали до 10% суннитов. Официально ваххабизм признан лишь в Саудовской Аравии и Катаре, а также был идеологией афганских Талибов до их падения. Многие причисляют себя к ваххабитам, не понимая смысла этой идеологии, а просто исходя из своей принадлежности к радикальному крылу ислама, готовности проливать кровь «неверных» и мусульман ради достижения политических целей. То есть ваххабизм зачастую срращивается с терроризмом.

У ваххабитов, которых зачастую называют также салафитами, (ваххабиты и салафиты — практически одно и то же с точки зрения идеологии; они являются последователями раннего, фундаменталистского ислама; к ним условно можно отнести и последователей суннитского радикального движения «Братья-мусульмане»; фактически различия между ваххабизмом и салафизмом нет) имеются свои доктрины и особые обряды, многие из которых противоречат фундаментальным положениям ислама. Чтобы объяснить все теологические хитросплетения этого учения, понадобятся сотни страниц текста, поэтому попытаемся остановиться на основных расхождениях ваххабизма с исламом суннитского толка.

Ваххабиты — не сунниты

Ваххабиты-салафиты отвергают все тексты исламского закона в их традиционном изложении, за исключением Корана. Они также отвергают переданные знания наклъ, то есть весь объем знаний, полученных и передаваемых мусульманами за всю историю ислама. То есть они оправдывают возможность переосмысления ислама в той форме, какой они захотят. Ими отвергаются традиционные принципы юриспруденции (усуль аль-фикх), которые лежат в основе шариата. Они отрицают сам порядок рассмотрения того или иного вопроса по источникам исламского закона: 1). Сначала Коран; 2). Затем хадисы (сборник высказываний пророка Мухаммеда) и Сунна (поступки и поведение пророка); 3). кийас (суждение по аналогии, основанное на принципах, изложенных в Коране и хадисах) и, наконец, 4). Иджмаа (единогласное мнение авторитетных мусульманских авторитетов). Они практически отрицают три из них (кроме Корана), а значит — отвергая усуль аль-фикх, ваххабиты-салафиты вводят в действие новый шариат, то есть создают совершенно новый ислам.

Мусульмане традиционно испытывают огромное уважение и благоговение к пророку Мухаммеду. Соответственно мусульмане и, особенно, шииты испытывают особое почтение к семье пророка и его потомкам. Ваххабиты же, напротив, принижают роль пророка и не испытывают особого уважения к его потомкам, не признают святых среди суфиев и сподвижников пророка. О пророке они говорят — это обычный «курьер», который передал послание Аллаха и скончался, что абсолютно не согласуется с Кораном и ортодоксальным исламом.

На всех общеисламских конференциях ваххабиты-салафиты поднимают лозунг «ислам без мазхабов», тем самым признавая верховенство только своей идеологии. Отсюда — притеснения мусульман других мазхабов. Достаточно вспомнить, как обращаются ваххабиты с шиитами в собственной стране, и что делали с шиитами Талибы в Афганистане.

Ваххабиты подвергают притеснениям женщин: им не разрешают работать (кроме как в женской среде), управлять автомобилем, выходить из дома без сопровождения члена семьи мужского пола. Салафиты избивают женщин за малейшую провинность, заставляют их закрывать лицо черными покрывалами, не разрешают им участвовать в государственных делах и т. д. У ваххабитов практикуется принуждение в вере. В Саудовской Аравии существует мутаваа, своего рода ваххабитская «полиция нравов», которые ходят с палками и бьют тех, кто не молится, не соблюдает другие обряды, «неправильно» одет и т. д.

Для ваххабитов характерно неуважение по отношению к святыням, презрение к истории, культуре, наследию. Всем хорошо известно, что в начале 2001 года Талибы взорвали уникальные памятники Будды, возведенные 1700 лет назад. А в Саудовской Аравии в начале 2002 года в Мекке был разрушен прекрасный архитектурный памятник — оттоманский форт Ад-Жийад с внешней стороны Каабы для того, чтобы освободить место для строительства нового комплекса отелей. Ваххабиты снесли все старые кварталы Мекки и Медины, включая древние стены городов и старые рынки, построив там торговые центры и автомагистрали. Известно, что еще в 1925 году, захватив Медину, ваххабиты уничтожили кладбище Баки вместе с памятниками, включая могилы дочери пророка Мухаммеда Фатимы и его внука Хасана. Они чуть было не разрушили даже могилу пророка Мухаммеда, но были остановлены самим королем. Затем они разрушили простоявший 1400 лет дом пророка Мухаммеда и его жены Хадиджы в Мекке, присоединили священный колодец Симсим (Земзем) к современной системе городского водоснабжения.

Даже одеваются салафиты по-другому, нося дишдашу — длинную плотную рубашу, скроенную из одного куска, длиной, в отличие от одежды других мусульман, выше лодыжки, и арабского головного платка (хатта) без обычных черных обручей. У них также длинная нечесаная борода. Во время отправления культа они позволяют передвигаться любое число раз во время общей молитвы (в четырех суннитских мазхабах позволено делать только три небольшие передвижения); они делают вращательные движения указательным пальцем правой руки, когда все сидят во время официальной молитвы; они запрещают традиционное обращение с молениями к пророку о благословении после азана (призыва к молитве).

Ваххабиты — такфириты (такфир — наречение «неверным») предоставили себе право объявлять других мусульман вероотступниками, что не практикуется в суннизме, на основании совершенных ими небольших проступков или духовных обрядов, с которыми такфириты не согласны. И они сами выступают судьями. Обычно подобного рода «суд» согласится прелюдией к убийству. Всех христиан и иудеев они называют неверующими, хотя ортодоксальный ислам называет их «людьми Писания», то есть такими же верующими, но исповедующими более ранние священные писания.

Все структуры политической власти, которые не придерживаются их идей, ваххабиты считают незаконными, а лидеров государств в этом случае — незаконными узурпаторами власти. Поэтому их можно свергнуть, убить, отобрать у них власть. Яркий пример тому — действия ваххабитов-салафитов в Сирии. Весьма своеобразное у них и толкование джихада. Если у суннитов он может быть объявлен только законным правителем в случае, если земли мусульман и их жизнь подверглись опасности или нападению, то ваххабитам абсолютно чуждо такое понимание. Если в ортодоксальном исламе не существует понятий «тотальной войны», «политики выжженной земли», бомбардировок мирного населения, то такфириты убивают невинных мужчин, женщин и детей, не соблюдая никаких правил ведения войны. Достаточно вспомнить, какими методами были уничтожены 100 тысяч алжирцев во время войны правительственных войск с боевиками-салафитами Фронта исламского спасения, и как сейчас уничтожается мирное население Сирии Аль-Каидой и ее филиалами, вплоть до людоедских способов. Кроме того,

самоубийство в исламе считается страшным, непростительным грехом, а салафиты называют убийц — смертников, так называемых «шахидов», — мучениками (хотя шахидом может называться только тот, кто погиб за веру или защищая родину), которые сразу попадают в рай, убив женщин, детей и стариков. Поэтому те, кто намеревается совершить акт «шахида», могут до своей смерти как угодно грешить, получать физическое удовольствие, предаваясь порокам, вплоть до пьянства, употребления наркотиков и посещения борделей. Поскольку они присвоили себе право объявлять людей вероотступниками, отвергать традиционную власть, санкционировать самоубийство и не соблюдать правила войны, легко понять, почему именно ваххабиты-такфириты-салафиты составляют костяк международного террористического подполья. Тем более что их щедро финансируют многочисленные частные исламские благотворительные фонды Саудовской Аравии и стран ССАГПЗ.

Структура ваххабитско-салафитского движения

Движение ваххабитов-салафитов не имеет открыто провозглашенного руководства. Но у них есть подпольное руководство, которое направляет и финансирует их деятельность в мире и имеющее тайные связи с саудовскими спецслужбами. Всего руководство салафитов имеет 5 иерархических ступеней:

1. «Солдаты», низшее звено, которые сплачиваются вокруг салафитских мечетей, внемя каждому слову своего шейха. Они — мало образованные люди и служат своего рода «пушечным мясом».
2. Местные активисты. Они более образованы. Организуют выступления, распространяют книги и брошюры, занимаются сбором средств, ведут бухгалтерию.
3. Шейхи ваххабитов — это своего рода «офицеры». В качестве имамов они оккупируют местные мечети, выступают с пятничными молитвами, преподают в местных медресе или университетах, указывают, как надо жить своей пастве. Эта категория получает жалование от «высшего командования» салафитов в Саудовской Аравии или от их уполномоченных в Катаре и Кувейте, а также деньги в оплату за любой предложенный ими проект — от строительства мечетей и школ до распространения книг и пропагандистских материалов. Большинство из них училось в саудовских или катарских университетах. Хотя радикальные шейхи такфиритов-салафитов находятся вне этой группы, некоторые из них продолжают получать деньги от «высшего командования».
4. Идарат хайат аль-бухус уаль даава уаль-иршад (организация, расположенная в Эр-Рияде), обычно известное как Хайат ад-Даава, и его отделение Джамийат ихья ат-турас в Кувейте, а также «Фронт» в Мекке — Лига исламского мира (Рабитат аль-алям аль-ислами) являются «высшим военным командованием» ваххабитов-салафитов и их штаб-квартирой. Это — главный финансовый и организационный механизм деятельности ваххабитов-салафитов по всему миру. Они также финансируют, направляют и организуют религиозные университеты, медресе и школы в Саудовской Аравии, контролируют уже упомянутых мутавваа

(ваххабитской религиозной «полиции нравов»), финансируют издательства и СМИ салафитов во всем мире, выпускают обязательные фетвы для салафитов всего мира. Их щедро финансирует саудовское правительство, а также крупные бизнесмены стран Персидского залива. Хотя саудовское правительство назначает лидера салафитов, оно не может на 100% контролировать их деятельность.

5. Семья Аал аш-Шейх (в переводе — семья шейха) — это потомки Мухаммада Абдель Ваххаба, тесно связанная с королевской семьей Аль Саудов и занимают в КСА второе место после них по престижу. По сути главы министерств юстиции, религиозных дел, национальный муфтий и глава организации Ад-Дава (а также лица, занимающие ряд других постов, как например, начальника королевского протокола) происходят родом из клана Аал аш-Шейх. Они исключительно лояльны к Саудитам, и наоборот. Это — «гражданское политическое руководство». На словах осуждая чересчур радикальных салафитов-такфиритов, королевская семья на деле финансирует салафитское движение. Она обязана ваххабитам законностью исторического происхождения, так как клан Аль Сауд был избран ими для правления Аравией, а также использует их для противостояния шиитским идеям хомейнизма, которых Аль Сауды опасаются больше всего.

Таким образом, из выше изложенного достаточно ясно, что ваххабизм-салафизм — это не ортодоксальный ислам, коим являются суннизм и шиизм. Он представляет собой достаточно новое направление сектантского ислама, который по форме и содержанию резко отличается от настоящего ортодоксального ислама. Фактически, их мусульманами можно назвать с большой натяжкой. При этом, опираясь на огромные финансовые ресурсы Саудовской Аравии и Катара, ваххабиты, маскируясь под суннитов, пытаются создать ваххабитский халифат из арабского мира, развязав в нем кровавые «цветные революции», с целью установления в нем своего господства. Поэтому только полное искоренение ваххабизма — как идею, как идеологии способно прекратить вакханалию и кровопролитие на Ближнем Востоке.

Хомский Ноам

«Ось зла»

В конце ноября 2013 года было объявлено о достижении временного соглашения по иранской ядерной политике, которое в течение шести месяцев будет обсуждаться в ходе существенных переговоров. Майкл Гордон, репортер газеты «New York Times», написал: «Впервые за последние десять лет американские официальные лица сказали о том, что было достигнуто международное соглашение остановить большую часть иранской ядерной программы и свернуть некоторые ее составляющие».

Несмотря на это, Соединенные Штаты незамедлительно применили суровые штрафные меры к швейцарской компании, которая нарушила введенные США санкции. «Выбор времени для объявления, по-видимому, в какой-то степени направлен на то, чтобы послать сигнал о том, что администрация Президента Обамы все еще уверена в необходимости держать Иран в экономической изоляции», — заявил в издании «The Times» Рик Глэдстоун.

«Знаменательное соглашение» действительно включает значительные уступки со стороны Ирана, тогда как со стороны США не предусматривается никаких сопоставимых шагов, кроме простого согласия на временное ограничение своего наказания Ирана.

Легко представить себе возможные уступки со стороны Соединенных Штатов. Достаточно вспомнить лишь одно: США является единственной страной, которая грубо нарушает Договор о нераспространении ядерного оружия (и, что гораздо серьезнее — Устав ООН), угрожая применить военную силу против Ирана. США могли бы также настоять на том, чтобы их израильский клиент воздержался от грубого нарушения международного права, как и на многом другом.

В распространенном мнении считается естественным, что только Иран должен идти на уступки. В конце концов, Соединенные Штаты — это Белый рыцарь, который стоит во главе международного сообщества в его усилиях сдерживать Иран — который выставляется в качестве самой страшной угрозы миру во всем мире — и вынуждает его отказаться от агрессии, террора и прочих преступлений.

Существует другая точка зрения, о которой мало кто слышал, хотя она достойна, как минимум, быть упомянутой. Она отвергает утверждение США о том, что достигнутое соглашение сломало десятилетнее нежелание Ирана обсуждать предполагаемую ядерную угрозу.

Десять лет назад Иран предложил разрешить свои разногласия с США по ядерным программам, наряду с другими проблемами. Администрация Прези-

дента Буша гневно отвергла это предложение, сделав замечание передавшему его швейцарскому дипломату.

Европейский Союз и Иран также искали возможности договориться о приостановке Ираном обогащения урана в ответ на предоставление ЕС гарантий того, что США не будут нападать на Иран. Как писал Селиг Харрисон в «Financial Times»: «ЕС, сдерживаемый США, ... отказался обсуждать вопрос безопасности», и все усилия сошли на нет.

В 2010 г. Иран принял предложение Турции и Бразилии отправить свой обогащенный уран в Турцию на хранение. В ответ, Запад должен был предоставить изотопы для реакторов иранских медицинских исследовательских центров. Президент Обама яростно отчитал Бразилию и Турцию за нарушение субординации и незамедлительно ужесточил санкции. Рассерженная Бразилия опубликовала письмо Обамы, в котором он предлагал такое соглашение, думая, что Иран отвергнет его. Этот инцидент был быстро забыт.

Также в 2010 г. страны-участники Договора о нераспространении ядерного оружия призвали провести в декабре 2012 г. в Хельсинки международную конференцию по обсуждению давней инициативы арабских стран об установлении на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Израиль от участия в конференции отказался. Иран дал согласие на участие без каких-либо условий.

Затем США объявили об отмене конференции, повторив озвученные Израилем возражения.

Арабские государства, Европейский Парламент и Россия призвали к скорому возобновлению работы конференции, Генеральная ассамблея ООН проголосовала за постановление 174-6, призывая Израиль присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия и открыть свои ядерные объекты для инспекции. Против проголосовали США, Израиль, Канада, Маршалловы острова, Микронезия и Палау — в результате чего сегодня была бы возможна еще одна уступка со стороны США.

Подобная обособленность США на международной арене является обычной по целому ряду вопросов.

В противовес этому, Движение Неприсоединения (а это большая часть мира) на встрече, состоявшейся в прошлом году в Тегеране, в очередной раз открыто поддержало право Ирана на обогащение урана как страны, подписавшей Договор о нераспространении ядерного оружия. США отказывается признать этот аргумент, заявляя, что это право действует на условии получения положительного отзыва от инспекторов, однако таких формулировок в договоре нет.

Значительное большинство арабов поддерживают право Ирана на осуществление его ядерной программы. Арабы враждебно относятся к Ирану, но, в своем большинстве, считают США и Израиль главной угрозой, стоящей перед ними, о чем заявил в своем недавнем всестороннем анализе арабских настроений Шибли Телхами.

«Официальные лица Запада кажутся сбитыми с толку» отказом Ирана прекратить обогащение урана, — написал в «New York Times» Фрэнк Роуз, предлагая объяснения такого отказа психологического характера. Другие считают, что надо выбираться из этого тупика.

Можно полагать, что США возглавляют международное сообщество, но только если это сообщество состоит из самих Соединенных Штатов и кого-либо,

соглашающихся с ними. Впрочем, часто такое «соглашательство» происходит в результате запугивания, как это иногда негласно признается.

Критики нового соглашения, такие, как Дэвид Сэнглер и Джоди Рудорен, предупреждают со страниц «New York Times» о том, что «хитрые посредники, китайцы, жаждущие добраться до источников энергии, и европейцы, ищущие способы вернуться в старые времена, когда Иран являлся главным источником торговли, увидели для себя шанс перескочить через заграждения». Короче говоря, сейчас они подчиняются американским приказам, только потому что боятся. А Китай, Индия и многие другие страны находят способы обойти американские санкции против Ирана.

Альтернативная точка зрения бросает вызов стандартной версии США. Ей учитывается факт того, что США мучают иранцев без перерыва вот уже 60 лет. История эта началась в 1953 г., после организованного ЦРУ переворота, в результате которого было свергнуто парламентское правительство, а власть передана шаху, тирану, который регулярно был действующим лицом докладов о самых страшных нарушениях прав человека в мире, являясь при этом союзником Америки.

Когда шах был свергнут в 1979 г., США сразу поддержали Саддама Хусейна в его кровавом вторжении в Иран, который присоединился к сменившим флаги иракского союзника кораблям Кувейта, чтобы помочь им прорвать иранскую блокаду. В 1988 г. военный корабль США сбил иранский самолет, выполнявший коммерческий рейс, забрав жизни 290 человек, и вернувшись домой, получил награду из рук президента.

После того, как Иран был вынужден капитулировать, Соединенные Штаты возобновили поддержку своего друга Саддама, даже приглашая в США иракских инженеров-ядерщиков для повышения квалификации по созданию вооружений. Администрация Клинтона затем ввела санкции против Ирана, которые в последние годы особенно ужесточились.

На самом деле в Ближневосточном регионе действуют только два государства-изгоя, прибегающие к агрессии и террору и нарушающие международное право по своему усмотрению: Соединенные Штаты и их клиент Израиль. Иран действительно совершал акты агрессии: завоевал три арабских острова во времена правления шаха, поддерживаемого США. Но прочий террор, приписываемый Ирану, на самом деле бледнеет при сравнении с этими государствами-изгоями.

Понятно, что эти государства-изгои должны изо всех сил возражать против сдерживающего фактора в регионе, и должны возглавить кампанию по освобождению себя от любых подобных ограничений.

Вот только как далеко меньшее из государств-изгоев зайдет для того, чтобы устранить сдерживающий фактор, который внушает страх, под предлогом «экзистенциальной угрозы»? некоторые опасаются, что оно зайдет очень далеко. Мика Зенко из Совета по международным отношениям предупреждает в журнале «Foreign Policy», что Израиль может развязать ядерную войну. Аналитик «Foreign Policy» Збигнев Бжезинский призывает Вашингтон дать понять Израилю, что он будет остановлен ВВС США, если попытается нанести бомбовый удар.

Какая из этих противоположных перспектив ближе к реальности? Ответ на этот вопрос — это не просто полезное упражнение. Этот ответ влечет за собой серьезные глобальные последствия.

Игорь Николаев

Бизнес-ажиотаж вокруг Ирана

В гостиницах Тегерана сегодня трудно найти свободные места, номера забронированы европейскими бизнесменами на несколько месяцев вперед. Тем, кому с номером в отелях не повезло — назначают встречи со своими будущими иранскими партнерами в Дубае. А еще больше, приглашают иранских чиновников, представителей крупного бизнеса и деловых кругов прямо к себе, разумеется, с компенсацией всех расходов последних. Градус ажиотажа вокруг предстоящего «открытия» иранских рынков для иностранного бизнеса (после нескольких лет калечащего санкционного режима) растет с каждым днем.

Количество иностранных представителей, запланировавших визиты в Иран на ближайшие месяцы, превышает ежегодную численность делегаций за последние восемь лет, и нет оснований полагать, что это количество сократится. Свыше ста представителей французских компаний на днях прибудут самолетом в Тегеран для «оценки объемов возможных инвестиций» и предварительных переговоров с официальными иранскими представителями. А в Амстердаме для голландских предпринимателей срочно проводятся курсы по особенностям ведения бизнеса в Иране, вводную лекцию на которых прочел лично посол Нидерландов в Исламской Республике Йос Дума.

Выступая на экономическом форуме в Давосе, Хасан Роухани выступил с предложением создать новый международный орган, в компетенцию которого входили бы вопросы глобальной энергетической безопасности. Его слова о том, что Тегеран готов на условиях взаимности предоставить в распоряжение нового органа зарезервированные объемы нефти и газа, были восприняты собравшимися не просто как декларация, а как готовность Ирана к тесной кооперации с международным бизнесом.

При этом он вполне оправдал свое прозвище — «шейх дипломатии» — искусно сыграв на существующей конкуренции между нефтяными транснациональными корпорациями, спровоцировав их на активные шаги в установлении контактов с иранской стороной. Дело в том, что практически сразу после своего выступления, Роухани встретился с премьером Нидерландов Марком Рютте, тесно связанным с англо-голландской Shell. Разумеется, это вызвало «ревность» остальных, и уже два дня спустя главный исполнительный директор французской Total SA Кристоф Маржери заявил, что его компания заинтересована в возобновлении своего присутствия в Иране. Причем, новые условия, которые иранская сторона предлагает инвесторам, являются, по словам Маржери, «более чем привлекательными».

На фоне такой активности ТНК, встреча послов Австрии, Японии, Таиланда, Кувейта и первого секретаря посольства Малайзии с директором свободной экономической зоны «Киш», на которой дипломаты заявили о готовности их стран к участию в инвестиционных проектах на острове, — официальное подтверждение того, что ажиотаж вокруг иранского рынка — это не «пропаганда Тегерана», а вполне оформившийся процесс, развивающийся потрясающими темпами.

Европейская экономика и иранский «спасательный круг»

Европейские компании в этом процессе — впереди всех. Нефть — нефтью, но другие сектора экономики тоже не в стороне стоят. Austrian Airlines на прошлой неделе объявила, что возобновляет график «пять рейсов в неделю» в Тегеран, а немецкая Lufthansa намерена увеличить количество ежедневных рейсов на иранском направлении. Аналогично поступает и турецкая Turkish Airlines, которая уже обратилась к иранскому правительству за разрешением на увеличения количества рейсов не только из Турции, но и из Европы.

Серьезные планы в отношении Ирана и у европейского автопрома. Группа компаний «Пежо» и «Рено» выступила с официальным заявлением, что приступила к подготовке возобновления деятельности в Исламской республике и расширении контактов с Iran-Khodro, крупнейшим иранским автопроизводителем. Если вспомнить, что в 2011 году «Пежо» продала в Иране 455 тысяч произведенных по лицензии автомобилей, а объемы продаж «Рено» тогда составили 100 тысяч машин, то становится очевидным крайняя заинтересованность французского автопрома в возвращении на иранский рынок. Тем более, что это рынок ждет: построенные автомобильные заводы в Иране загружены сегодня не полностью, а примерно пятая

часть из ста тысяч рабочих мест, которые обеспечивал иранский автопром, попала под сокращение в результате «калечащих санкций».

Активность европейского бизнеса вполне понятна. В условиях ставшего уже перманентным экономического кризиса, потеря огромного иранского рынка, емкость которого для Европы оценивается от 40 до 60 миллиардов долларов, больно бьет по бюджетам и государствам, и корпораций. В Европе прекрасно помнят, что к середине 2000-х французские и германские инвестиции в Иран превышали пять миллиардов долларов, а отчисления Исламской республики только от лицензий давали по два миллиарда долларов ежегодно.

В Иране давно, успешно и весьма прибыльно работали и французские Renault, Total, BNP, Paribas, Societe Generale, и немецкий промышленный гигант Siemens, и итальянские Techimont и Anni, и австрийская корпорация OMV (ведущая нефтегазовая компания Центральной Европы) и многие другие. В одном из докладов ЕС, опубликованном в начале 2000-х прямо говорилось:

«У ЕС существуют политические и экономические причины развивать более тесные отношения с Ираном... В будущем он может стать значимым ре-

Серьезные планы в отношении Ирана и у европейского автопрома

гиональным экономическим партнером, с ощутимыми возможностями для развития торговли и осуществления инвестиций».

Экономические ожидания европейского бизнес-сообщества не оправдались, под давлением США оно вынуждено было свертывать свое присутствие на иранском рынке. А сегодня на место западных компаний постепенно приходят китайские промышленники, что у европейских корпораций теплых чувств к затянувшемуся американо-иранскому противостоянию (в котором они, в силу «солидарности людей Запада», вынуждены быть на стороне США) не добавляет.

«Двойственный» Вашингтон

Заинтересованность европейской экономики в иранском рынке для Вашингтона вполне очевидна. Если в не самом оживленном для экономических отношений 2011 году официальный импорт из ЕС в Иран составлял 16,5 миллиардов евро, в 2012 году — 5,6 миллиарда, то в первой половине 2013 года — всего 395 миллионов евро. И этот процесс сокращения происходил на фоне того, что за этот же период рост импорта в Иран из Китая составил 10,6%, а из Турции — 41,9%.

Согласно официальной статистике Таможенной администрации ИРИ за 1391 иранский год (20.03.2012 г. — 20.03.2013 г.), совокупный торговый оборот страны (без учета экспорта сырой нефти, керосина, топочного мазута и природного газа) в стоимостном выражении составил около \$94,6 миллиардов, и доля Европы в этом круговороте денег неуклонно сокращалась. Разумеется, Вашингтон никак не мог покрыть убытки своих европейских партнеров от конфронтации с Тегераном. И если на первых порах еще срабатывал миф об «иранской ядерной угрозе», «кровавом режиме аятолл», «тоталитаризме и нарушении прав человека», то в последний год эти аргументы на европейскую бизнес-элику уже практически не действовали.

Еще до «режима калечащих санкций» крупные швейцарские, французские, британские и итальянские корпорации и банки прямо заявляли собственным правительствам об оказываемом на них со стороны США «беспрецедентном давлении» с целью заставить их прекратить бизнес с Ираном. Правительства либо отмалчивались, либо ссылались на высшие интересы. Европейский бизнес ответил на это расширением нелегальных схем торговли с Ираном, активизацией «черных рыцарей», деятельность которых Вашингтон не имел возможности пресечь минимум по двум обстоятельствам. Во-первых, «закручивание гаек» привело бы к резкому росту недовольству действиями США со стороны стратегических партнеров, на которых постоянно давили местные бизнес-элиты. А во-вторых, США, вводя санкции, попросту не до конца просчитали последствия — Иран оказался настолько интегрирован в международные хозяйственные связи, что организовать полноценную экономическую блокаду Тегерана, как выяснилось, попросту невозможно.

США, вводя санкции, попросту не до конца просчитали последствия

Вашингтон, разумеется, не испытывает никакого восторга по поводу той активности, с которой Европа возвращается на иранский рынок. Но про-

блема для администрации Обамы заключается в том, что при всей идеологизированности внешней политики США, она, эта политика, не в силах противостоять экономическим реалиям. Иранский рынок — это действительно спасительный круг для европейской экономики, и поделаться с этим Вашингтон ничего не может.

Именно осознание этого обстоятельства «вдохновляет» Обаму на жесткое противостояние новому пакету санкций, которое израильское лобби в итоге сумело занести в Конгресс и теперь проталкивает на голосование. Выступая с посланием к Конгрессу, президент США заявил, что использует право вето, если конгресс примет новые санкции против Ирана в ходе переговоров по урегулированию ядерной проблемы:

«Если конгресс примет закон о новых санкциях, я использую право вето. Ради нашей национальной безопасности мы должны дать дипломатии шанс. Если иранские лидеры не используют эту возможность, тогда я первый призыву к ужесточению санкций и буду готов использовать все возможности, чтобы Иран не создал ядерное оружие».

По сути, вопрос о новом витке санкций не снят, нынешняя ситуация — не более чем временная «оттепель», которую Вашингтон пока позволяет. Как позволяет европейскому бизнесу вновь активизировать свое присутствие на иранском рынке.

Российский бизнес: чужие на празднике

Но вот чего Вашингтон решительно позволять не намерен — так это присутствия на иранском рынке российских компаний. Впрочем, здесь между США и ЕС нет никаких противоречий. «Острые локти» западных конкурентов Россия уже ощутила на переговорах о поставках сельскохозяйственной продукции, включая зерно, в Иран, о чем рассказал на днях министр экономического развития Алексей Улюкаев:

«Идут переговоры на рабочем уровне. Конечно, мы хотели бы использовать наш потенциал, в том числе и продовольственный, и выходить на этот рынок. К сожалению, иногда наши попытки выстроить конструктивные отношения встречают неадекватное понимание со стороны наших партнеров, в том числе американских».

Говорить о «сожалении» здесь совершенно неуместно. История со штрафом в \$9,4 миллиона долларов, который Управление по контролю за иностранными активами (ОФАС) Минфина США «выписало» Банку Москвы за нарушение несколько лет назад санкций, введенных американскими властями против Ирана и уже с него снятых — достаточно показательный пример не только двойных стандартов — что можно европейскому бизнесу, то не позволено российскому, но и откровенный намек на то, что Москве следует забыть о планах экономического сотрудничества с Тегераном, что в противном случае «наказывать» ее будут жестко и бескомпромиссно.

Российское бизнес-сообщество сегодня — «в хвосте» очереди на иранский рынок. Но было бы несправедливым списывать все исключительно на противодействие Запада. Это противодействие было, есть и будет, поскольку является и проявлением экономической конкуренции, и элементом новой «Большой игры» против России. Помимо противостояния Запада на пути

отечественного бизнеса в Иран есть минимум два обстоятельства, преодолеть которые в Москве пока что никто не собирается.

На встрече с российскими экспертами 16 января нынешнего года, министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф на вопрос о том, что, по его мнению, является сегодня основным препятствием для расширения ирано-российского сотрудничества, ответил несколько неожиданно, но вполне точно — бюрократические препоны с обеих сторон. Иранскую бюрократию оставим иранцам, а вот в отношении нашей не лишним будет заметить, что структуры, отвечающие за экономическую составляющую российско-иранского сотрудничества, странно вялы и пассивны.

Уже в декабре минувшего года было совершенно очевидно, что международный бизнес использует запущенную в Женеве нормализацию, что называется, «по полной программе». Возникла благоприятная ситуация для того, чтобы Россия компенсировала серьезные потери от сокращения товарооборота с Исламской республикой. И совсем не лишним здесь будет напомнить еще раз о том, что только за 2012 год товарооборот между Россией и Ираном сократился на 38% (по сравнению с 2011 годом), а падение российского экспорта составило 44,2%. Причем — это усредненный показатель, поскольку объем экспорта, например, российской стальной продукции в 2012 году сократился более чем на 66,1%. Если в 2011 году в Иран было поставлено стали на сумму свыше \$2,54 миллиардов, то в 2012 году этот показатель составил всего \$863,2 миллионов. Но, как всегда, никто в экономическом блоке правительства мыслить стратегически оказался не в состоянии. Более того, на сегодня вообще ничего неизвестно о том, собирается ли правительство хоть что-то предпринимать для восстановления объемов товарооборота. Официальные источники хранят по этому поводу загадочное молчание.

Также ничего неизвестно о том, намерены ли российские банки и дальше участвовать в поддержке антииранских санкций в финансовой сфере. Парадокс — руководство России стремится к проведению самостоятельной внешней политики, и о том, что односторонние санкции противоправны, заявлено на самом высоком уровне, лично президентом. Но для руководства Сбербанка и ВТБ — президент не указ, тесные связи банковской верхушки с западными финансовыми институтами и хорошие отношения с антииранским лобби в стране для них дороже, а потому российские финансисты трусливо молчат, когда США грозит им пальцем по поводу транзакций в Иран.

Ну, а второе препятствие — это сам российский бизнес. Как бы непатриотично это ни звучало, но наши предприниматели не способны работать в условиях жесткой международной конкуренции. И поддержка государства здесь им мало чем поможет. Западные компании сейчас отчаянно демпингуют, идут на серьезные уступки иранским представителям, обеспечивают пакеты технологических и инжиниринговых бонусов к сделкам (в чем Исламская республика крайне заинтересована). Разница с отечественным бизнесом здесь в том, что они планируют свою деятельность на десятилетия, приходят «всерьез и надолго». Российские же компании столь стратегически, более чем на пять лет вперед (в лучшем случае), мыслить не умеют. А под бонусами понимают только и исключительно собственное финансовое вознаграждение.

Сотрудничество между Иранской национальной нефтяной компанией (ИННК) и российским «Лукойлом» было начато подписанием контракта на разведку и разработку нефтяного поля «Анаран» на западе Ирана. Тогда «Лукойл» совместно с ИННК и норвежской «Статойл-Гидро» обнаружил крупные нефтяные месторождения «Шангуле» и «Азер». Санкции США против компаний, ведущих бизнес в Иране, поставили россиян перед выбором — либо работать в Штатах, либо продолжать свой бизнес в Иране. «Лукойл» выбрал первое. Сегодня «Лукойл» официально заявляет о своей готовности вернуться в Иран, ее представители подчеркивают, что компания возобновит свою деятельность в Иране в кратчайшие сроки, по мере снятия санкций. Вновь перед нами — боязнь продуманного и выверенного риска, вновь — оглядка на настроения Запада. С таким подходом ни о какой борьбе за долю иранского рынка говорить не приходится. В лучшем случае нам достанется весьма скромная доля. В худшем — экономический ажиотаж и связанные с ним прибыли пройдут мимо России и ее бизнесменов.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

